Пальцы китайским веером

Автор:
Дарья Донцова

Пальцы китайским веером

Дарья Донцова

Любительница частного сыска Даша Васильева #44

Как известно, инициатива наказуема! Но разве Даша Васильева могла пройти мимо загадочной истории? А начиналось все вполне невинно: ее попросили пожить в доме Майи Михайловны, заболевшей матери приятеля, поухаживать за любимцем хозяйки – роскошным котом по кличке Рудольф Иванович. Оказалось, Майя Михайловна, жившая неподалеку от клиники неврозов, была доморощенным психотерапевтом. А в ее отсутствие исполнять эту непростую роль пришлось Даше! Один из пациентов, подросток Иван, поведал леденящую душу историю – отчим убил его сестру, потом мать, а теперь покушается на жизнь самого Ванечки! Конечно, любительница частного сыска ринулась на помощь, но ей пришлось отвлечься на другую «клиентку» – милая девушка Элечка мечтала выйти замуж, однако все женихи сбегали от нее на втором свидании. И как же Даше выяснить, в чем причина? Только… спрятавшись в шкафу у незадачливой невесты!

Дарья Донцова

Пальцы китайским веером

Глава 1

Мужчины делятся на два типа: на тех, кто услужливо относит старую шубу жены в химчистку, и тех, кто покупает супруге новое манто.

Я отвернулась к подоконнику и включила электрочайник. Может, заглянув без приглашения на огонек, девица сообразит наконец, что ей давно пора уходить? Право слово, сил уже нет слушать ее стоны.

– Дашенька, как считаешь, – продолжала тем временем незваная гостья, – что главное в будущем супруге? Умение зарабатывать или неконфликтный характер?

– Лучше всего, если избранник добывает приличные деньги и при этом является добрым, нежадным человеком, – ответила я. И, демонстративно посмотрев на часы, воскликнула: – Ого! Как незаметно полдня пролетело, а у меня еще столько дел!

– Заботы никуда не денутся, – отмахнулась гостья, – в особенности домашние. Как тебе кажется, почему у меня никогда более двух свиданий с одним парнем не бывает? Что я делаю не так? Налей, пожалуйста, еще чашечку кофейку.

Я молча потянулась за банкой, в которой хранятся зерна.

Верно говорят, нет ничего проще, чем усложнить себе жизнь. Неделю назад ко мне примчалась старинная знакомая Рита Гребнева и прямо с порога, не успев снять сапожки, затараторила:

– Если ты не поможешь, мое счастье рухнет, и я умру под его обломками!

Я знаю, что Рита живет в крохотной однушке, где будет тесно даже не особо тучному кролику. Но у Гребневой есть старшая сестра Зинаида, проживающая за Уральскими горами, которая искренне считает, что родственники должны видеться как можно чаще, и раз в полгода, в конце зимы и в августе, прикатывает в столицу, чтобы обнять младшенькую. А поскольку Зина женщина семейная, нежно любящая мужа, троих детей и свекра со свекровью, то она непременно прихватывает с собой все семейство в полном составе.

Как такое количество людей умещается на двадцати пяти квадратных метрах? Ну, сестра с супругом спят на диване в комнате, там же, на полу, устраивается родня мужа. Детки укладываются штабелем в кухоньке – сынишка заползает под стол, а дочки-лапочки похрапывают у плиты и мойки (хорошо, что племянники Гребневой еще не ходят в школу, а вот когда они подрастут, возникнет проблема). Сама же Рита уютно располагается в ванне. Правда, сантехника в квартире, если применить автомобильный термин, малолитражная, но это же сущая ерунда.

В прежние века во Франции аристократия считала, что спать надо исключительно в полусидячей позе, которая очень полезна для здоровья. Об этом рассказал экскурсовод в Версальском дворце, и я, помнится, чуть не зарыдала от жалости к несчастной королеве Марии-Антуанетте, увидев ее постельку. С тех пор меня мучает мысль: что, если все рекомендации современных врачей столь же ошибочны, как и советы их коллег времен Людовика Шестнадцатого? Может, не следует худеть, питаться обезжиренными продуктами и мучить себя спортивными занятиями? Вдруг спустя двести-триста лет какая-нибудь стопятидесятикилограммовая Дашенька Васильева, поедая пирожные со взбитыми сливками, обольется слезами от сочувствия к своей тезке из двадцать первого века, узнав, что та питалась листьями салата и гремела гантелями, желая сохранить здоровье, поскольку наука будущего докажет: полнота и волчий аппетит – прямой путь к бессмертию? Ведь знаем же мы теперь, что почивать нужно лежа, а не сидя. Хотя Мария-Антуанетта скончалась вполне себе здоровой[1 - Мария-Антуанетта, королева Франции, супруга Людовика XVI, была в 1793 г. осуждена Конвентом и казнена на гильотине в Париже, на площади, которая сейчас называется площадь Согласия. – Здесь и далее примечания автора.]. Ну да я отвлеклась от основной темы рассказа, простите.

Как правило, Зинаида живет у сестры около месяца. Она и ее супруг работают веб-дизайнерами, на службу им ходить нет надобности, главное, чтобы под рукой был ноутбук. После отъезда любимой родственницы с чадами и домочадцами у Риточки еще пару недель дергается правое веко.

Прошлым летом через день после очередного нашествия уральских половцев соседка Гребневой забыла закрыть кран в своей ванной, и квартирка Маргариты оказалась затоплена. Подруга позвонила мне в пять утра и, перемежая слова всхлипываниями, попросила:

– Умоляю, приюти нас на денек. Стоим на улице с маленькими детьми и двумя стариками.

А теперь оцените положение. Я в тот момент жила одна в огромном доме в поселке Ложкино. Основная часть моей семьи, вместе с собаками-кошками, перебралась во Францию, где у нас в небольшом местечке под Парижем есть коттедж. Правда, я совершенно случайно обзавелась новыми домашними любимцами[2 - Подробности читайте в книге Дарьи Донцовой «Лебединое озеро Ихтиандра», издательство «Эксмо».] и наняла в домработницы украинку Анжелу, но моя спальня намного больше всей квартиры Риты, и в подмосковном особняке много пустующих комнат. Поставьте себя на мое место: повернулся бы у вас язык отказать в гостеприимстве оставшейся без крова семье с тремя детьми мал мала меньше? Конечно же я привезла всех «утопленников» в Ложкино, где им так понравилось, что табор задержался у меня на три месяца.

Потом я отвезла шумное семейство в аэропорт и, помахав ему вслед платочком, впала в эйфорию. Лишь присутствие Риты удержало меня от того, чтобы сплясать джигу прямо возле стойки регистрации. Потом я пригласила уборщиц, и они отмыли дом, купила новый сервиз взамен разбитого, сменила ковер на лестнице, который детишки прожгли с помощью набора «Юный химик», выбросила постельное белье, основательно покрытое коричневыми пятнами (свекровь Зины большая любительница вкушать кофе в кровати), приобрела новое зеркало вместо того, что случайно разбил свекор подруги… Ну, не стану сейчас перечислять весь ущерб, это мелочно.

Через полтора месяца после отъезда Зинаиды дом в Ложкине приобрел прежний вид. Я на конец-то спокойно выдохнула, жизнь потекла привычным порядком. И вот неделю назад Ритуля нагрянула ко мне и затвердила как заведенная:

– Только от тебя зависит мое счастье!

Надеюсь, вы, зная о том, как в моем доме гостило семейство ее уральских родственников, не осудите меня за то, что я моментально сказала Гребневой:

– Ритуля, извини, не могу сейчас обсуждать твои проблемы, мне надо срочно паковать сумки.

– Ты уезжаешь? – ахнула она. – В Париж?

Вообще-то я не умею быстро придумывать веские причины для отказа в нужный момент, но в тот день отличилась потрясающей сообразительностью. Мозг заработал, как мощный суперкомпьютер, и за долю секунды просчитал все варианты. Так, сейчас самый конец зимы, следовательно, Зинаида опять намылилась в Москву. Сестре Риты очень понравилось в Ложкине, она хочет вновь осчастливить меня визитом. То-то ее свекровь перед отъездом сказала: «У вас прекрасный участок, почему огород не разведете? Вот вернемся в Москву весной, и я вскопаю на полянке с десяток грядок. Там солнечно, огурцы живо в рост пойдут…»

Едва мне вспомнились ее слова, как язык сам собой ляпнул про отъезд. Вот только Рита решила не сдаваться и поинтересовалась, не в Париж ли я улетаю. И что будет, если я отвечу, мол, да, как всегда, рейсом в двенадцать тридцать из аэропорта Шереметьево? Точно ведь Гребнева закричит: «Пожалуйста, разреши моим пожить в твоем доме! Они никому не помешают, все равно особняк пустовать будет!» И что тогда прикажете мне делать?

Решение пришло в секунду. Я опустила глаза и начала врать с вдохновением, которому мог бы позавидовать барон Мюнхгаузен:

– Какой Париж? Я затеяла ремонт коттеджа. Сюда приезжает бригада строителей. Представляешь ужас? Я не могу принимать гостей, самой некуда деваться.

Я ожидала, что Рита начнет причитать, и приготовилась жестко держать оборону. Но на лице Гребневой совершенно неожиданно засияла радостная улыбка.

– Тебе негде жить пару месяцев? – уточнила она.

– Да, да! – подтвердила я. – Ничего радикального я не затеваю, просто косметическое обновление, думаю… э… к началу осени закончить.

– А животные? – не успокаивалась Рита. – Афину с Гектором куда денешь?

Этот вопрос меня изрядно удивил. Гребнева не принадлежит к людям, которые любят собак-кошек. Нет, она никогда не обидит никого из братьев меньших, но

дома у себя ни щенка, ни котенка не заведет. Тогда с чего она проявляет заботу о моих питомцах? Подумай я на эту тему чуть подольше, может, и избегла бы грядущих неприятностей, но суперкомпьютер, устав от работы, снова превратился в мозг простой блондинки, поэтому я заявила:

– Они отправятся в Париж. А мне, несчастной, придется ютиться на съемной квартире, в ужасных условиях. Ведь на короткий срок, сама понимаешь, приличное жилье не сдают.

Высказавшись, я подумала, что спасла себя от очередного визита Зинаиды с табором, и изо всех сил постаралась сохранить на лице удрученное выражение.

– Вот здорово! – неожиданно воскликнула Ритуля. – Лучше не бывает! Я помогу тебе, а ты поможешь мне. Полное совпадение интересов. Господи, я думала, придется тебя целый день на коленях умолять, и вдруг такая удача!

Я поняла, что совершила роковую ошибку, соврав про ремонт. А Гребнева, сияя, словно майское солнышко, быстро ввела меня в курс дела. Но прежде чем передать ее рассказ, придется кое-что объяснить.

У меня есть приятель Сергей Николаев. Его отец, бывший главврач крупной психиатрической больницы, давно скончался. А вот мать, Майя Михайловна, всю жизнь проработавшая бок о бок с мужем, здравствует и до сих пор, несмотря на далеко не юный возраст, продолжает трудиться. Сергей был женат, но отношения в браке у него не сложились, супруги разъехались, некоторое время жили врозь, затем сходили в загс и стали свободными людьми. Риту я тоже хорошо знаю, мы приятельствуем не первый год. И нет ничего удивительного в том, что Сергей, приехав как-то раз в Ложкино, столкнулся у меня в доме с Гребневой. Они сразу понравились друг другу, и у них завязался роман.

Конфетно-букетный период у них давно прошел, и все стали воспринимать Риту и Сергея как супругов. Все, кроме Майи Михайловны, которая не желала иметь ничего общего с Гребневой. Пожилая дама вбила себе в голову, что Маргарита Николаевна (так она именовала мою подружку) является причиной развода ее сына, наивного Сереженьки, павшего жертвой наглой особы, которая отбила его у законной жены, и потому считала Риту своим злейшим врагом. Сергей пытался объяснить матушке, что его брачный союз лопнул задолго до знакомства с Ритой, но Майя Михайловна сурово говорила:

– Ты уже не ребенок, и я не имею права ругать взрослого мужчину, живи с кем хочешь, вот только в дом к матери шалаву не приводи.

Но полгода назад мадам Николаева неожиданно сменила гнев на милость и разрешила Рите заглянуть на чашечку кефира. Гребнева сделала все, чтобы понравиться потенциальной свекрови, и достигла успеха – Майя Михайловна растаяла. Теперь она называет гражданскую жену сына «деточкой» и обожает болтать с ней по телефону. Но у пожилой дамы бессонница, в силу возраста ей хватает для отдыха нескольких часов, поэтому беседы, как правило, затягиваются за полночь. А Рита работает врачом в кардиологическом центре, в восемь утра уже должна совершать обход больных, вот и привыкла падать в кровать не позднее десяти вечера. После того как Майя Михайловна воспылала к Гребневой любовью, последняя катастрофически не высыпается. Честно сказать матери Сергея: «Простите, мне завтра в несусветную рань подниматься» – она не способна, не хочет злить даму. Тем более сейчас, когда Сергей предложил Рите отправиться в загс – свадьбу они решили сыграть в июне.

Кроме любимого сына у Майи Михайловны есть обожаемый кот по кличке Рудольф Иванович, некогда подобранный ею на помойке. Кошак давно позабыл времена, когда спал на трубах в подвале, а бачок с отбросами считал рестораном с тремя мишленовскими звездами[3 - «Красный гид Мишлен» – самый влиятельный из ресторанных рейтингов. Имеет трехзвездочную систему оценки. Выпускается с 1900 г.]. Теперь он вкушает лишь особым образом приготовленные яства, спит на тщательно взбитой перинке. И упаси вас бог позвать его:

– Руди! Иди сюда!

В лучшем случае он вас проигнорирует, в худшем – написает в тапки тому, кто посмел столь панибратски обратиться к его высочеству. Кота следует величать почтительно:

– Рудольф Иванович, будьте любезны, проследуйте пить чай с булочками.

А еще лучше подать ему чашку прямо в обитую бархатом корзинку. Вас удивляет, что тринадцатикилограммовый котище любит чай? Вы просто не знаете Рудольфа Ивановича! Он еще и жвачкой пользуется, чтобы иметь свежее дыхание.

У Риты на кошек аллергия, но она, наглотавшись антигистаминных таблеток, гладит котяру. И тот – вот уж изумление! – весьма мил с ней.

Сейчас Гребневой предстоит улетать в командировку в Екатеринбург, она проведет в этом городе около трех недель. А Сергей позавчера отбыл в тур по России – будущий муж Ритули начальник пиар-службы крупного бизнесмена, которому отчаянно захотелось стать депутатом. Впереди выборы, нужно склонить на свою сторону избирателей, так что раньше конца марта Николаев в Москву не вернется. И все было бы ничего, если бы вчера Майя Михайловна не поскользнулась. Старушка упала и сломала ногу. Рита в секунду поместила ее в самую лучшую столичную клинику и наняла сиделку. Мать Сергея лежит в частном медцентре «Хирургия», в отдельной, прекрасно оборудованной палате, которая смахивает на номер дорогого отеля, еду ей доставляют из ресторана, заботливый медперсонал готов удовлетворить любую прихоть пациентки. Однако есть одно «но»: кота ей с собой взять не разрешили.

Майя Михайловна сказала Рите:

– Деточка, ты же меня выручишь? Откажешься от командировки и поживешь с мальчиком? Я буду век тебе благодарна. Если нет, я уйду из больницы. Пусть нога перестанет двигаться, значит, сяду в инвалидное кресло, а Рудольфа Ивановича ни за что не брошу. Он один умрет! Кто ему приготовит паровое суфле из телятинки с нежными артишоками и савойской капустой?

Присутствовавшие при беседе врачи чуть не скончались, услышав про блюдо, которым кормят кота, но твердо заявили:

– Госпоже Николаевой лучше находиться у нас, в таком возрасте перелом – опасная вещь.

Что оставалось делать Рите? Она клятвенно пообещала наплевать на свою работу, поселиться в квартире будущей свекрови, дабы лелеять кошака и каждый вечер ровно в двадцать два ноль-ноль докладывать даме о том, как ее «сыночек» провел день. Слава богу, Майя Михайловна не умеет пользоваться компьютером, программа скайп ей недоступна, и она не потребовала демонстрировать ей шесть раз в день наглую морду Рудольфа Ивановича.

Оцениваете сложившуюся ситуацию? Сергей не может вернуться в Москву, поскольку лишится работы, если бросит бизнесмена. В Екатеринбурге столичного доктора Гребневу ждут больные, она не имеет права кинуть их на произвол судьбы. И что делать? Нанять человека, который будет приглядывать за котом, никак нельзя – Рудольф Иванович терпеть не может посторонних и вмиг выживет из дома даже самую распрекрасную няньку. А если вдруг Майя Михайловна узнает, что котяра жил один и его навещали лишь для кормления и мойки лотка, она мигом снова возненавидит будущую невестку…

Вот Ритуля и примчалась ко мне в Ложкино с предложением пожить в квартире болезной мадам. Чем не решение проблемы? Рудольф Иванович благосклонно относится ко мне, я ему не чужая, помню день, когда он жалким тощим котенком появился в семье Николаевых. Гребнева приготовилась падать ниц передо мной, биться головой о пол, обещая за услугу все, что угодно. И что услышала, не успев изложить просьбу? Подруга задумала делать ремонт, собирается снять какую-то халупу, чтобы перекантоваться там на время покраски стен и циклевки полов, переживает заранее из-за плохих условий, в которых окажется. Ну надо же, как все отлично устроилось! Ура! Ура! Бьют барабаны! Звучат литавры!

Риточка прыгала от счастья и повторяла:

– Вот шикарно вышло! Майя, конечно, вредина, обожает держать пальцы китайским веером, вечно твердит, что у нее и сын, и кот, и дом, и вообще все-все самое лучшее, а я дворняжка, которую с улицы погреться пустили. Но мне на это наплевать. Главное, чтобы Майя до нашей с Сергеем свадьбы скандалов не устраивала. А там посмотрим, чей китайский веер покруче будет, ее или мой!

Мне оставалось лишь молча моргать, наблюдая за ликованием Риты. Путей к отступлению не было, я сама загнала себя в угол.

Глава 2

В огромной, шумной, никогда не засыпающей Москве есть заповедные райские уголки, о которых не осведомлены многие коренные столичные жители. Майе Михайловне повезло устроиться именно в таком местечке. Она живет в

небольшом, смахивающем на пряничный, домике, который стоит в старом парке, куда не пускают никого из посторонних, потому что оазис с деревьями и клумбами является территорией, принадлежащей психиатрической больнице. Вернее, клиника именовалась так ранее, в советские годы, когда отец Сергея, Олег Михайлович, был ее главврачом. Старший Николаев считал работу самым главным в жизни и жил рядом с больницей в специально построенном коттедже, который Майя Михайловна в 1993 году ухитрилась оформить в собственность.

В середине девяностых психиатрическая лечебница неведомым образом стала частным заведением, где за большие деньги лечат неврозы. Борис Павлович, нынешний владелец клиники, а заодно и ее главврач, разогнал прежних докто ров и средний медперсонал, но Майю Михайловну не тронул, потому что некогда учился в аспирантуре у Олега Михайловича и испытывает благодарность к научному руководителю. Вдова бывшего главврача еще какое-то время работала медсестрой, а потом ее назначили кастеляншей, ответственной за белье-подушки-одеяла-халаты-тапочки и прочее. Борис Павлович не мог сделать лучшего выбора – старушка честна до идиотизма, по сию пору считает больницу детищем покойного мужа и рьяно следит за хозяйством. Вот только я не знала о том, что еще она работает внештатным психотерапевтом.

Не успела я войти в домик и оглядеться, как в дверь постучали, появилась девушка лет этак под тридцать и разочарованно воскликнула:

– Вы кто? А где Майечка Михална?

Узнав, что хозяйка домика вчера сломала ногу, гостья заахала, потом бесцеремонно уселась в кресло и заявила:

– Меня зовут Эля, мы с Майечкой лучшие подруги. А ты зачем тут?

Я испугалась, как бы неожиданная гостья при первом же удобном случае не рассказала старухе о том, что в ее домике поселилась не Рита, а я. Поэтому быстро застрекотала:

– Здесь будет ночевать и заботиться о Рудольфе Ивановиче Риточка Гребнева, моя ближайшая подруга, а меня она попросила находиться тут днем, чтобы котик не страдал от одиночества.

Но Эля, похоже, пропустила мою речь мимо ушей.

– Майечка всегда готова дать человеку ценный совет, но раз ее нет, вероятно, ты сможешь разобраться в моей тяжелой жизненной ситуации, – заявила она.

И пришлось мне выслушивать стоны Эли на тему: «Ну почему все подруги давно замужем, а я одна никому не нужна?»

– Я готовлю лучше любого повара, – причитала она, – за собой слежу, лишнего веса ни грамма, маникюр-педикюр-прическа, у меня хороший оклад, собственная квартира – от бабушки досталась большая двушка, я москвичка в сто двадцать пятом поколении, умная, интеллигентная. Не женщина, а просто слиток золота! Нет, платины!

– Тогда лучше сказать – родия[4 - Родий – один из самых дорогих металлов мира, ценится выше золота и платины.], – пробормотала я.

– Что? – не поняла Эля. И через секунду продолжила: – Да я ангел, а не человек! Но вот мужчины рядом нет. Думаешь, я капризничаю? Завыбиралась прямо? Хочу богатого, знаменитого, с депутатским значком? Нет, не нужен мне такой! Дайте обыкновенного! И что получается? На первом свидании все идет отлично. На втором, у меня дома, тоже вроде сначала все прекрасно. Но когда зовешь мужчину к себе, угощаешь приготовленным тобой потрясающим ужином, то он, конечно, понимает, что после кофе с пирожными надо перейти к новому этапу отношений. И вот я ухожу в ванную, возвращаюсь вся такая ароматная, сексуальная, грудь четвертого размера, причем родная, не силиконовая, а кавалера и след простыл. Сбежал! Начинаю ему звонить – трубку не берет. А на следующий день слышу из телефона: «Данный номер не обслуживается…» Знаешь, позавчера уборщица наша, Фарида, замуж вышла. Таджичка, в Москву недавно приехала, ножом-вилкой пользоваться не умеет, а ведь нашла, нашла, нашла себе парня! Он в клинике компьютерами заведует, с высшим образованием, с жилплощадью, машиной, сирота круглый. Почему Фариде, которая трех слов по-русски связать не может, повезло, а мне нет? Ответь, пожалуйста!

– Может, потому, что она не способна безостановочно болтать два часа подряд? – снова не сдержалась я.

Но Эля, кажется, совершенно не умела слушать собеседника и задала следующий вопрос:

– Ты замужем?

– Нет, – честно ответила я.

– Но хоть разок-то выходила? – не успокаивалась гостья.

– Четырежды пробовала завести семью, – призналась я, – а потом поняла, что мне лучше живется без штампа в паспорте.

– Четыре мужа… – с завистью протянула Эля. – Как же ты их заставила в загс пойти?

– Сами туда побежали, – улыбнулась я, – никого на аркане я не тащила. И после первого развода была уверена, что мне не стоит никогда идти в загс. Но видишь, как получилось.

– А сейчас кто-нибудь есть? – жадно поинтересовалась болтунья.

– Да, – призналась я, – очень приятный человек, профессор Маневин.

– И что, он тебя тоже замуж зовет? – не успокаивалась она.

Я улыбнулась.

– Да, предложение делал, но я пока не готова сменить статус свободной женщины на ярмо замужней дамы. Хотя, если уж совсем честно, Феликс мне нравится. У него два мопса. Замечательные собачки, одна черного окраса.

– Вот ты-то мне и нужна! – подпрыгнула Эля. – Помоги, пожалуйста!

– Рада бы, но как? – удивилась я.

Собеседница понизила голос:

– Майя Михайловна с удовольствием советы раздает, но что она о мужчинах знает? Сразу после школы выскочила замуж и жила счастливо сто лет. На всякий вопрос отвечает фразой: «Вот мой Олег Михайлович…» Конечно, Майечка умная, но у меня такое впечатление, что ей феноменально повезло. Они с супругом жуть как похожи были, даже отчество имели одинаковое. Я использовала Майины советы, но они не срабатывают! Понимаешь?

– М-м-м… – протянула я, опять демонстративно глядя на большие ярко-красные часы, украшавшие стену кухни. – Время просто галопом несется, а мне еще столько надо сделать. В супермаркет за продуктами, например, сходить.

И тут ожил городской телефон. Я схватила трубку и услышала мужской голос:

– Майечка! Обзвонился вам на мобильный, а вы не отзываетесь. Уже волноваться начал. Как наша договоренность? В силе?

– Простите, пожалуйста, – остановила я незнакомца, – Майя Михайловна вчера сломала ногу…

– Как? – воскликнули, перебив меня, на том конце провода. – Где?

– На улице, – вздохнула я. – Поскользнулась, упала и…

– Я имел в виду, в каком месте травмирована нога? – снова перебил незнакомец. – Помощь нужна? Куда отвезли Николаеву?

– Все под контролем, – успокоила я собеседника, – перелом лодыжки, не шейки бедра. Майя Михайловна лежит в прекрасном месте, в частном медцентре «Хирургия», пробудет там до полного выздоровления.

– А вы кто? – задал новый вопрос мужчина.

– Даша Васильева, – представилась я, – знакомая госпожи Николаевой, буду на время ее отсутствия ухаживать за котом Рудольфом. Простите, с кем я разговариваю?

Но из трубки вместо ответа полетели короткие частые гудки.

– То, что рекомендует Майя, подходит исключительно для ее мужа, – громко вещала Эля. – Я только сейчас это сообразила! Она мне посоветовала: «Сделай мужчине шоколадный торт, и он твой». Я послушалась, а Кирилл его даже не попробовал. Или это был Василий? А, неважно. И я, дура, этот торт раз семь пекла. Нет бы сразу понять: Олег Михайлович все с какао любил, а остальным парням, может, лимонный кекс подавай. Твои к чаю что требовали?

– У меня было четыре мужа, – напомнила я, – каждый имел свои пристрастия.

– Вот! – закричала Эля. – Как же хорошо, что мы подружились! Майечка Михайловна замечательная, но в личной жизни она уж очень скромная, а мне нужен совет от вампы.

– От кого? – не поняла я.

– Женщина, которая шагает по мужикам, как по грязи, называется вампа, – пояснила Эля. – Неужели никогда не слышала? Парни к вампе, как мухи на варенье, слетаются, наперебой в загс зовут, а она не соглашается, коллекционирует женихов. Скажи, как мне стать образцовой вампой? С чего начать? Поделись своим опытом.

– Никогда не была женщиной-вамп, – пытаясь не рассмеяться, возразила я. – Просто влюблялась в человека, и если он отвечал мне взаимностью, мы шли в загс.

Эля неожиданно схватила меня за руку:

– Умоляю, объясни, что я не так делаю? Отчего ни разу не вышла замуж? Мне ведь уже тридцать восемь!

– Правда? – удивилась я. – Вам столько не дашь!

– Ой, пожалуйста, давай без «вы», мы же лучшие подруги! – воскликнула гостья.

Я опять покосилась на часы. Путь от совершенно незнакомых женщин до «лучших подруг» мы проделали за три часа десять минут. До Парижа и то лететь дольше. Этак к полднику превратимся в сестер.

– Ну, скорей говори! – поторопила Эля.

– Рада бы помочь, но ведь я не знаю, как ты ведешь себя на свиданиях, – ответила я.

– Точно, – пробормотала Эля, – вероятно, дело в неких мелочах. Я их не вижу, зато мужчина примечает и улепетывает. Слушай! У меня сегодня назначена встреча со Степаном. Парень перспективный, не хочется его упустить. Я поэтому к Майе и примчалась – думала инструкции получить. А тут ты… И это здорово, что именно ты, а не она. Короче, приходи сегодня в семь ко мне. Идти недалеко, я живу через дорогу, сейчас адресок напишу. Посмотришь, как я со Степой общаюсь, и скорректируешь мое поведение. О’кей? Отлично. Жду!

Эля вскочила и хотела ринуться к двери, но я остановила ее:

– Погоди! Спасибо за приглашение, однако я вынуждена отказаться.

– Почему? – воскликнула гостья. – Неужели не хочешь помочь лучшей подруге? Заодно и поешь вкусно. Не хвастаясь, скажу: я готовлю так, что ты тарелку проглотишь.

Мне не хотелось обижать глупенькую Элю, поэтому я постаралась придумать железобетонную причину, не позволяющую мне сегодня совершать визиты.

– Рита… ну, та девушка, которая здесь будет ночевать… работает врачом, сегодня придет очень поздно, а Рудольфа Ивановича нельзя оставить одного, у него болит живот.

Эля нахмурилась.

– Скажу по секрету, отвратительный у Майи кот – капризный, избалованный. Ладно, тогда мы с парнем к тебе сами прирулим.

Я судорожно закашлялась, потом промямлила:

– Прости, я не собиралась принимать гостей.

– Не волнуйся, – защебетала Эля, – я все принесу: еду, выпивку, полотенца, постельное белье.

– Полотенца, постельное белье? – растерянно повторила я.

– У нас же второе свидание, – понизила голос Эля, – пора и того… самого… Значит, жди в девятнадцать ноль-ноль.

В первую секунду я обомлела – мне на жизненном пути до сих пор как-то не попадались особы, напролом шагающие к своей цели и не обращающие ни малейшего внимания на такие мелочи, как желания и чувства других людей. Потом я пришла в себя и поняла: Эля точно притопает сюда вечером с туго набитыми сумками и неким Степаном.

– Спасибо за приглашение, мы не опоздаем! – прочирикала гостья.

– Нет уж, лучше я к вам, – помимо воли вырвалось у меня.

– Отлично! – захлопала в ладоши Эля и бросилась в холл.

Я так разозлилась на себя, что даже не пошла провожать «лучшую подругу», осталась на кухне. Меня вывело из ступора пронзительное мяуканье Рудольфа Ивановича. Кот, похоже, тоже был доволен уходом чрезмерно назойливой и беспардонной гостьи и сейчас явно просил есть.

Я открыла баночку консервов «Кролик в нежном соусе», аккуратно наполнила розовую пластиковую мисочку, найденную в одном из кухонных шкафчиков, и сделала приглашающий жест рукой.

– Силь ву пле, месье!

Кошак легко вспрыгнул на разделочный столик, глянул на еду, повернулся ко мне и произнес с недоумением:

– Мяу?

Почему-то мне сразу стало понятно: Рудольф Иванович спрашивает, что это за дрянь подана ему на обед.

Я посмотрела на лист бумаги, пришпиленный на самом видном месте на стене, около электрочайника, и в очередной раз прочитала расписание дня любимого «сыночка» Майи Михайловны. Только не подумайте, что я имею в виду Сергея, своего старинного друга и жениха Риты. Нет, речь идет о коте.

Итак… «Подъем в шесть утра. Прогулка во дворе. Завтрак в шесть пятнадцать. Утром надо приготовить паровой омлет с добавлением натурального, не консервированного лосося. Рыбу брать дикую, а не выращенную в водоеме, иначе у котика возникнет аллергия. К омлету можно добавить овощи (проследить, чтобы в них не было ГМО и прочей гадости) или самостоятельно сделанные сухарики из ржаного хлеба. Буханку для крутонов покупать исключительно в магазине на улице Олеко Дундича, там выпекают хлеб по старинной технологии. От другого у Рудольфа Ивановича появляется метеоризм и колики. Внимание! Форточка на кухне не закрывается. Она специально сделана так, чтобы не захлопнулась. Рудольфу Ивановичу необходим свежий воздух, на кухне стоит газовая плита, при ее включении сжирается кислород».

Я посмотрела на окно, поежилась и опять уставилась на педантично составленную инструкцию. Можно не приводить замечательный документ полностью? Скажу лишь, что ровно в четыре часа дня котяру следовало угостить котлеткой из куриной печени, обжаренной в оливковом масле холодного отжима, исключительно испанского производства – от греческих же оливок кот, видите ли, впадает в меланхолию.

Ну, а теперь признаюсь: ознакомившись с написанным каллиграфическим почерком Майи Михайловны распорядком дня Рудольфа, я поняла, что не могу его соблюдать. Во-первых, мне жаль своего времени. Во-вторых, я не умею готовить парфэ из судака (кто бы мне объяснил, что это такое?) и не стану плясать под дудку вконец обнаглевшего Рудольфа. Кроме того, котяра чудовищных размеров, живот его буквально подметает пол, а хвост не обхватить и двумя ладонями. Конечно, толстый мурлыка смотрится умильно и кажется донельзя добродушным. Но последнее, как правило, ошибочно, у любого представителя кошачьих есть острые, как хорошо заточенные лезвия,

когти. А насчет полноты могу сказать: ожирение – это прямой путь к скорой смерти.

Я погладила любимца Майи по спине.

– Ешь, что дали. Наша задача слегка сбавить вес.

Рудольф Иванович вывернулся из-под моей руки и разразился серией коротких звуков, которые следовало расшифровать так:

«Не пошла бы ты, Дарья, со своей диетой туда, куда хорошо воспитанный человек даже дворовую собачонку не пошлет».

Я рассердилась.

– Рудольф, запомни! Люди на Земле существуют отнюдь не для обслуживания обнаглевших животных. Коты же созданы природой, чтобы ловить мышей и крыс, то есть помогать людям. А вовсе не наоборот.

– Он не любит розовую миску, – вдруг произнес за моей спиной приятный тенор. – И Рудольф Иванович очень обижается, если к нему обращаются без отчества.

От неожиданности я вскрикнула. Повернулась и задела локтем красивую, похоже, старинную фарфоровую чашку. Та шлепнулась на плиточный пол и развалилась на несколько осколков.

Глава 3

– Извините, пожалуйста, я не хотел вас напугать, – расстроился паренек, тихо вошедший в кухню.

Мальчику было на вид лет четырнадцать-пятнадцать, симпатичный, с ямочкой на подбородке. Приятное впечатление портил хмурый вид и длинные,

раздвоенные мочки ушей.

– Лучше всего у человека, как правило, получается то, чего он делать не собирался, – мрачно произнесла я, разглядывая осколки.

Надеюсь, это не самая любимая чашка хозяйки. В противном случае будущая свекровь смертельно обидится на Риту.

– Это самая любимая чашка Майи Михайловны! – воскликнул юноша. – Неловко получилось!

– Вы кто? – наконец-то сообразила поинтересоваться я. – Как проникли в дом?

– Майечка Михайловна никогда дверь не запирает, – пояснил парень. – Вся клиника знает: если нужен совет или просто пожаловаться на судьбу хочешь, после обеда беги сюда. Майя Михайловна у нас психотерапевт. Ой, я не так сказал! Она не врач, но лучше любого доктора. С ее громадным жизненным опытом и…

– Понятно, – бесцеремонно перебила я посетителя, сменившего Элю. И повторила: – А вы кто?

– Ваня Лавров, – смутился гость. – Лежу в десятой палате. То есть не лежу, хожу повсюду, просто глагол «лежать» принято употреблять, когда речь заходит о больнице.

Я навесила на лицо приветливое выражение. Так, похоже, Гребнева забыла предупредить меня о некоторых нюансах. Мать Сергея не только кастелянша, но и доморощенный психолог, к которому обращаются как сотрудники лечебницы, так и пациенты. Похоже, капризный привереда Рудольф будет не самой большой моей проблемой. Я давно вошла в коттедж, но так и не успела распаковать чемодан, потому что примчалась Эля. А теперь, здравствуйте, появился Ваня. Надо остановить поток особ, нуждающихся в моральной поддержке. Я улыбнулась.

– Меня зовут Даша, я буду приглядывать за котом днем, а ночевать здесь будет Маргарита Гребнева. К сожалению, Майя Михайловна попала в больницу – она

сломала ногу.

– Ой-ой! – испугался Иван. – Вот беда!

– Приятного мало, – согласилась я. – Но, к счастью, травма самая обычная, без осложнений. Однако учитывая возраст пациентки, ее продержат в палате до полного выздоровления. Не могли бы вы предупредить народ в лечебнице об отсутствии Николаевой? Мне не хочется, чтобы сюда постоянно заявлялись незнакомые люди. Ваня, вы меня слышите?

– А? – встрепенулся ушедший в свои мысли парнишка. – Я ей позвонил на сотовый, а она не отвечает. Теперь понятно почему.

Я удивилась:

– Разве в больнице не слышали о том, что случилось с Майей Михайловной? Очень странно. Неужели никто не забеспокоился, когда кастелянша не появилась на работе? Сегодня сюда уже заглядывала одна девушка и тоже поразилась, узнав, что Николаевой нет.

Иван сгорбился и, прислонившись к стене, пояснил:

– Майечка взяла ради меня недельный отпуск. И клиника-то большая. Хозчасть находится в подвале, туда не все сотрудники спускаются. В нашем коридоре, например, никто про перелом не слышал. И в рабочее время не поговоришь, лучше домой прибежать. О господи! А как она получила травму?

– Упала на улице, поскользнулась, – ответила я. – Хорошо, под машину не угодила, рухнула-то с тротуара прямо на проезжую часть.

Понятно, почему до Эли не дошло известие о происшествии, Майечка, оказывается, решила отдохнуть от нее во время отпуска.

– Можно сесть? – прошептал Лавров. Затем, не дождавшись разрешения, шлепнулся на стул.

– Вам плохо? – испугалась я. – Позвать врача?

– Нет, ни в коем случае, – все так же шепотом откликнулся Ваня. – Так я и знал! Кожей чувствовал опасность, отговаривал Майечку, просил ее не вмешиваться, предупреждал – он убийца. Но она такая заводная, увлекающаяся… Ее специально толкнули, из-за меня. Хотели… Ой! Не буду произносить вслух страшное слово.

– Кто убийца? – удивилась я.

– Николай Петрович, – выдавил из себя юноша. – Точно, это его рук дело. Сначала он уничтожил мою сестру, затем, когда сообразил, что Майя Михайловна идет по следу…

Парень закрыл лицо руками. Мне стало не по себе.

– Ванечка, вы лечитесь в клинике неврозов? А что с вами случилось? Устали от учебы? Или перенесли стресс?

Странный гость потер глаза кулаками.

– Меня сюда Николай Петрович определил. После того, как от мамы избавился.

– Чьей мамы? – не поняла я.

– Моей, – грустно пояснил Иван. – Ее Регина Львовна звали. Разве она могла умереть от сердечного приступа? Ведь была же не старой.

– Всякое случается, – ответила я.

Иван молитвенно сложил ладони, вытянул руки вперед и жалобно произнес:

– Пожалуйста, найдите ее!

Я снова впала в недоумение.

– Майю Михайловну? Она лежит в очень хорошей больнице, беспокоиться за нее не стоит.

– Я говорю о папке с документами, – лихорадочно зашептал Ваня. – Майя Михайловна позавчера прислала мне эсэмэску. Сейчас… Где же она? Ага, вот. Читайте…

Прямо перед моим носом очутился самый дешевый телефон. Странно: подросток хорошо одет, пострижен явно у дорогого парикмахера, находится в клинике, услуги которой стоят больших денег, и пользуется копеечной трубкой? Будь Иван взрослым мужчиной в костюме за десять тысяч долларов, я б не удивилась. Многие весьма обеспеченные люди пользуются зажигалками, купленными на кассе в супермаркете, и электронными часами, приобретенными в мелкой лавке. Но для тинейджера крайне важно, какой гаджет у него в кармане, ведь чем круче модель, тем больше твой авторитет у ровесников. Может, родственники не хотят баловать парнишку? Одевают его дорого, а на сотовом решили сэкономить?

– Ну, читайте же! – поторопил меня Лавров.

Я сосредоточилась на эсэмэске. Текст был такой: «Знаю все. Расскажу при встрече. Осталось побеседовать с одним мужчиной. Приходи во вторник, около четырех».

– Видите? – грустно сказал Ваня. – Майя Михайловна – гений сыска… а он ее толкнул… хотел убить, как Анечку… не получилось… Зачем ему двое? Он и меня, наверное, собирался… но мамочка…

Парнишка вцепился пальцами в край стола, а я попятилась в сторону двери. Вроде в клинике неврозов не должны содержаться буйнопомешанные? Насколько я знаю, в частных лечебных заведениях находятся люди, которые устали от тяжелой работы, или те, кому довелось пережить сильный стресс. Рита рассказывала, что пациентов никак не ограничивают в передвижении по зданию и парку, прекрасно кормят, развлекают и стараются не пичкать большим количеством таблеток. Здешние врачи увлекаются гомеопатией, предписывают всем посещать спортзал, не разрешают пользоваться мобильными, резко отрицательно относятся к телевизору, компьютеру и уповают на психотерапию. В больнице прекрасная бальнеолечебница с огромным бассейном, обширная библиотека и шеф-повар итальянец. Все это вместе больше напоминает фешенебельный санаторий, чем больницу, на соблюдение режима дня здесь смотрят сквозь пальцы и палаты подопечных не обыскивают. Если кто-то из

дорогих клиентов категорично заявит, что не представляет себе жизни без айпада, лечащий доктор разведет руками и ответит:

– Рекомендую оставить планшетник дома, но если вы настаиваете, спорить не стану.

Вот Ивану, например, можно пользоваться сотовым.

Умалишенных, способных причинить вред себе или другим людям, здесь быть не должно. У мальчика просто сдали нервы, мне не стоит его опасаться.

Пытаясь таким образом убедить себя в безобидности гостя, я пятилась к двери и в конце концов уперлась спиной в стену около буфета.

– Не бойтесь, – вдруг вполне внятно произнес юноша, – я не псих. Просто ужасно расстроился из-за того, что разгадка тайны опять отодвигается. Прямо рок какой-то! Мне нужен номер мобильного Майечки. Вы его знаете?

Я чуть успокоилась и сказала:

– В вашем телефоне эсэмэска от Майи Михайловны. Значит, там есть и номер, с которого ее послали.

Ваня заморгал.

– Я же не дурак! Звоню, но автомат бубнит: «Абонент недоступен». Вот я и подумал, вдруг у Майечки еще контакт есть, о котором я не знаю. Что мне делать? Куда пойти? Я очень боюсь! Только не думайте глупости, я совершенно здоров. Сюда попал по желанию Николая Петровича, боюсь с ним спорить. Я в полном отчаянии. Как дальше жить? Вернуться домой? Так отчим убьет меня непременно! В больницу отправил специально, чтобы потом, когда меня с балкона скинет, сказать: «Сын после кончины матери от горя рехнулся, вот и решился на суицид. Я его в клинику неврозов уложил, но там не помогли». И мне никто не верит, вы в том числе. Одна Майечка поверила, решила помочь, а он ее под машину толкнул. Извините, я говорю путано…

Иван обхватил себя руками и затрясся.

– Давай попьем чайку, – предложила я. – А ты постараешься успокоиться и объяснить внятно, что случилось.

– Вы мне поможете? – с надеждой спросил парнишка. – Жутко быть совсем одному в мире! Могу я вам довериться? Не пойдете к Николаю?

Я включила чайник.

– Я умею хранить тайны. И понятия не имею, кто такой Николай, значит, не смогу к нему обратиться. Рассказывай все. Иногда стоит поговорить с незнакомым человеком. Глядишь, и я смогу дать совет.

Иван начал ломать пальцы и кусать губы. Я достала из пачки пакетик, опустила его в кружку и залила кипятком. Мальчик, наверное, ходит в девятый или десятый класс…

Мне очень жаль современных подростков, они находятся под тяжелым прессингом как учителей, так и родителей. Многие панически боятся ЕГЭ, но пытаются скрыть свой страх. Добавьте сюда личные неприятности, переживания по поводу внешности, полноты-худобы или неуклюжести, немодной одежды, отсутствия всяких гаджетов, и станет понятно, почему у подростков случаются нервные срывы. Большинство родителей озабочено лишь отметками чада, о том же, какие демоны раздирают его душу, не задумывается. Мало кого волнует, что думают их дети о жизни и смерти, чего они боятся, чему радуются, от чего могут заплакать. В принципе, понять подростка легко, надо лишь вспомнить, каким ты сам был в его возрасте, восстановить в памяти свои собственные глупости, обиды, претензии к папе-маме, товарищам и учителям. Только честно! Все повторяется, у вашего ребенка примерно те же проблемы. Но ему труднее, чем вам, ведь поток информации, который усваивает сегодняшний школьник, намного больше, а в обществе слишком много злобы, агрессии, зависти.

Мне лет этак в семнадцать некому было рассказать о своих душевных переживаниях. Разве бабушка могла понять внучку? А подружки, если узнают о том, что тебя тревожит, тут же разболтают об этом… Похоже, у Вани та же ситуация. И у него сильно расшатаны нервы. Вон как у паренька трясутся пальцы, а по лицу расползаются красные пятна.

Я пододвинула к нему чашку, достала из холодильника сыр, быстро соорудила бутерброд и сказала:

– Давай ешь. На сытый желудок жизнь кажется веселей.

Лавров вздохнул.

– Вы говорите, как моя покойная мама. Прямо ее слова про желудок. И вообще, вы на нее похожи. Очень. И фигурой, и прической. И глаза почти такие же. Если чуть прищуриться, то кажется, что она вернулась. Я вам доверюсь. Вы не можете меня обмануть. Если человек на кого-то похож внешне, то и души будут родственные.

– Не всегда так, – тихо произнесла я.

Но Иван не услышал моих слов, заговорил дальше…

Он шел домой из школы, решил купить мороженое, забежал на рынок, увидел ларек, протянул продавщице деньги, а та вдруг спрашивает:

– Твою маму случайно не Региной Львовной зовут?

Мальчик очень удивился:

– Да. А как вы догадались?

Торговка показала на цепь родинок, охватывающих запястье Вани.

– Приметный «браслет». Больше ни у кого такого не видела, только у Регинки и ее дочки Ани. Вот и поинтересовалась.

– У моей мамы такие же, – подтвердил Ванечка. – А вот у папы их нет.

– Юрка красавец… – мечтательно протянула продавщица. – По нему весь наш двор сох, бабы Регинке завидовали – такого мужика отхватила. Хорош собой, не пьет, не курит, жену на руках носит, дочку балует, зарабатывает много. Не чета

нашим мужьям, которые лишь о бутылке думают. Я всегда знала: Юра из нищеты беспросветной вырвется. И точно! Он квартиру купил, и уехали вы из нашего дома. Как мать-то живет? А Анечка? Небось твоя сестра совсем уж невеста.

– Простите, вы ошиблись, – пролепетал ошарашенный Ваня, – моего отца зовут Николай, и я один ребенок в семье.

– Погоди, погоди… Что ты сказал? Какой Николай? Забыл, как родителя кличут? Юрка Бибиков был дальнобойщиком, фуры гонял за границу, дома редко бывал, зато семью обеспечивал хорошо и из нашего Ново-Дрондунова увез. Перебрались вы, как все до сих пор думают, в престижный район, – хрипло протянула тетка.

– Ново-Дрондуново? – окончательно растерялся Ваня. – Родители никогда не говорили, что жили в таком месте.

– Шутка! – засмеялась мороженщица. – Это я так нашу улицу называю, на самом деле она Новодонская была, теперь переименована в бульвар Коваленко. Но от смены таблички ничего не изменилось, по-прежнему на задворках общества обитаем. Так как Анечка поживает?

– Кто? – напрягся Иван.

– Сестричка твоя, – пояснила продавщица. – Ей годика три-четыре стукнуло, когда твои родители съехали. А ты, значит, у них уже на новой жилплощади родился. Ну и правильно! Юра умный, сначала хоромы приобрел, а уж потом сынишку сделал. Ха-ха!

– Вы меня с кем-то перепутали! – воскликнул Иван. – С другим мальчиком, у которого тоже на запястье браслет из родинок есть. Сестры у меня никогда не было. Родители познакомились в институте. Папа не водил трейлеры, он хирург. Мама стоматолог.

– Точно, – кивнула тетка, – Регина зубы людям лечила. К ней в очередь записывались, совсем не больно сверлила и пломбы ставила навек. А отец твой Юра Бибиков. И сестру я распрекрасно знала, очень бойкая девочка была, вечно бегала и громко кричала во дворе. Скажи матери, что Светка Перепечкина

привет ей передает. Фамилия у меня смешная, ты запомнишь. Дай-ка карандаш и бумагу…

Окончательно сбитый с толку Ваня порылся в портфеле и протянул торговке ручку с блокнотом. Она, сильно нажимая, написала ряд цифр.

– Во, мой мобильный. Может, мать звякнет. Пообщаться охота. Она где сейчас работает?

– В стоматологической лечебнице доктора Темкина, – ответил подросток.

– Здорово! – обрадовалась продавщица и вдруг закашлялась.

Ваня, ощутив сильный запах перегара, отступил на шаг.

– Продиктуй-ка мамкин номер, – потребовала Перепечкина. – Мне давно пора виниры сделать, авось Регинка по старой дружбе скидку даст.

– Я его наизусть не помню, а свой сотовый в школе потерял, – соврал Иван. – Извините, не назову телефоны родителей. Они вместе с трубкой пропали.

Глава 4

Ваня пришел домой и вечером поведал о разговоре с продавщицей мороженого маме. Та засмеялась.

– В Москве полно сумасшедших. Забудь про нее. Твой папа Николай Лавров, замечательный хирург. И у нас нет других детей, кроме тебя. Никаких девочек в семье не было. Правильно сделал, что мой телефон женщине не дал.

– Но Светлана знает твое имя и отчество, – напомнил Ваня. – И она обратила внимание на родинки, сказала: «У Регины такой же «браслет» на руке». Значит, вы встречались.

– Вполне вероятно, – без тени волнения ответила мама. – Ко мне приходит много пациентов, они часто обращают внимание на внешность врача. Очевидно, я лечила эту Перепевкину.

– Перепечкину, – поправил Иван.

– Подожди-ка! – воскликнула мать. Затем, схватив трубку городского телефона, куда-то позвонила и сказала: – Леночка? Регина беспокоит. Не в службу, а в дружбу, глянь в нашей базе, приходила ли когда-нибудь в поликлинику некая Светлана Перепечкина. Ой, да, очень надо! Хорошо…

Потом она посмотрела на сына.

– Побеспокоила заведующую регистратурой со своего прежнего места работы. Хотя столкнуться со мной продавщица могла где угодно. Забудь о ней. Скорей всего она не в себе. Или просто алкоголичка. Сам же говорил, от нее перегаром несло.

Через час мать постучалась в комнату к Ване.

– Тайна раскрыта. Десять лет назад я лечила зубы Перепечкиной, которая пришла в поликлинику по страховке от предприятия. Но когда наша бухгалтерия выставила счет, выяснилось, что полис поддельный. Короче, Светлана – мошенница. Сделай одолжение, не ходи больше на рынок, не покупай у мерзавки мороженое, не общайся с ней. Перепечкина плохой человек. Увидела родинки на твоей руке и напридумывала невесть чего.

Иван хотел было сказать: «Если человек не заплатил за услуги дантиста, очень глупо затевать разговор с его сыном, да еще просить передать матери свой номер». Но почему-то промолчал. А мама воскликнула:

– Передам-ка я телефон сей особы на свое прежнее место работы! Пусть отдел безопасности с нахалкой разберется. Пообещай никогда не заглядывать на базар и не покупать там сладости, лучше зайди в супермаркет.

Ване всегда, даже летом, бывает зябко, поэтому он редко открывает окно. В ту ночь он никак не мог уснуть, вертелся с боку на бок. И в конце концов распахнул

окно, понадеявшись, что свежий воздух подействует как снотворное. Но ожидания его не оправдались, Иван лежал, не смыкая глаз. Внезапно до его носа долетел запах сигаретного дыма, и он понял, что отец вышел на балкон покурить.

У Лавровых большая двухэтажная квартира, все окна которой выходят на одну сторону. Спальню родителей от детской отделяет библиотека. В любую пору года Николай Петрович выходит подымить на лоджию. И любит в это время говорить по телефону. Пару раз до Вани доносился его голос, но отец, конечно, не догадывался, что сын может слышать его беседы.

В ту ночь лежавший без сна Иван услышал сначала голос матери:

– Что же делать?

– Заткнуться! – резко ответил всегда вежливый отец. – Закрой рот навсегда. Об Ане все давно позабыли. Мы сделали все, чтобы так произошло. Ванька носит мою фамилию, остальное похоронено. Мы смогли сохранить полную тайну. Выкрутились.

– Выкрутиться хотел ты, – заплакала Регина Львовна. – Кто принял решение убить Анечку? Бедная моя девочка, ее больше нет…

– Идиотка! Дура! Кретинка! – пошел вразнос отец. – Девчонки никогда не существовало на свете. Точка!

– Она была, – зарыдала мама. – Я двадцать седьмого января, в годовщину ее смерти, и шестнадцатого марта, в день рождения, всегда езжу на могилку и…

– Куда ты ездишь? – ахнул Николай Петрович.

Регина Львовна замолчала.

– Живо говори правду, пока я тебя, дебилку, не убил! – взревел он.

Ваня окаменел. Никогда ранее отец не позволял себе подобных выражений. Он всегда нежно говорил с женой, не спорил с ней. А вот мама, наоборот, могла

устроить ему скандал по пустяковому поводу. Иван, очень любивший своих родителей, всегда считал папу излишне мягкотелым, подкаблучником, не способным возразить матери. И вдруг такая агрессия!

– Прости, Коленька, но как же без могилки? – простонала мать. – После того, как… как Валентина Гавриловна очутилась в доме престарелых…

– Умереть не встать! – перебил ее муж. – Сегодня просто день счастливых открытий… Откуда ты знаешь, что происходит с твоей матерью?

– Мила рассказала, – смущенно призналась Регина Львовна.

– Час от часу не легче! – повысил голос Николай Петрович. – Ты забыла, какое условие тебе при рождении Ани выдвинули родители? Неужто выкинула из памяти слова своей младшей сестрицы? А вот я помню, как ты плакала, передавая мне речь Людмилы, которая встала на сторону Валентины Гавриловны и Льва Юрьевича, и помню, что она заявила: Горкины навсегда вычеркнули из семьи Регину, прокляли ее новорожденного малыша. И после этого ты общаешься втайне от меня с матерью и Людмилой? У меня нет слов!

– Я их голоса почти пятнадцать лет не слышала, – принялась оправдываться Регина Львовна. – Но года три назад мне внезапно на работу позвонила Мила и сказала, что нашла меня через Гугл – мои данные есть на сайте клиники. Сестра сообщила следующее: «Мать страдает старческим слабоумием, находится в частном доме престарелых. Я замужем за богатым человеком, мы уезжаем на ПМЖ в Лондон. Понимаю, что ты не захочешь навещать маму и навряд ли после всего ею сделанного тебя волнует ее судьба, но все же хочу поставить тебя в известность – она живет в комфортных условиях, о ней прекрасно заботятся, и так будет продолжаться до ее смерти. Прости меня, пожалуйста, за то, что много лет назад я была жестока по отношению к тебе и малышу. Теперь я сама мать и понимаю, как гадко тогда поступила. Если ты испытываешь материальные трудности, только скажи, мой муж купит тебе квартиру, даст денег на обучение ребенка».

– Как мило! – с сарказмом воскликнул Николай Петрович. – И как благородно! Пристроив мать в комфортабельный приют и собираясь сбежать из нестабильной России в сытую Англию, твоя сестричка, жена богатенького Буратино, вознамерилась сбросить пару крошек со своего барского стола в

нищие ручонки ближайшей родственницы… И что ты ей ответила?

– Правду, – твердо произнесла Регина Львовна. – Сказала, что ни в чем не нуждаюсь и прошу забыть мой номер телефона. Это все. Более Людмила на моем горизонте не появлялась. Понятия не имею, что с ней и с… Валентиной Гавриловной. Но я подумала… раз больше никто не будет ходить на кладбище… ну… э… в общем, на могиле отца есть табличка: «Анечка Лаврова». Мне делается легче, когда посижу у оградки, положу букетик.

– Анечка Лаврова… – зло повторил Николай Петрович. – Тебе следовало бы написать Бибикова. Забыла, что твоим мужем тогда был Юрий? Анну я не удочерял, усыновил только Ивана.

– Не первый год мое сердце рвется на части, – снова заплакала Регина Львовна. – Как ты мог убить мою дочь?

До слуха Вани донеслись несколько сочных шлепков, затем отец гаркнул:

– Опять завела ту же песню? Наслушался я твоих стонов! Ах, ах, оденем ее в платьице, завяжем бантики… Вспомни, какой пакостницей была твоя дочурка! Кто избаловал ее до безобразия?

– Я, – прошептала мать, – одна я. Потому что знала: скоро ты ее убьешь.

– Анны Бибиковой больше нет! – отрезал отец.

– Нет, – еле слышно произнесла мать.

– У нас есть Ваня, и он не Бибиков, а Лавров, – уже спокойнее произнес Николай Петрович, – забудь про Анну, радуйся мальчику. Вспомни, сколько проблем я разгреб, чтобы его усыновить и чтобы никто ничего не заподозрил. Забыла о моих стараниях?

– Прости меня, Коленька, – вновь всхлипнула Регина Львовна, – я скотина неблагодарная. Завтра же могилку Ани уничтожу, сниму табличку.

– Не стоит, – сказал муж. – Если ты успокаиваешься, когда ходишь на кладбище, значит, пусть все так и останется. Но по-моему, глупо себя обманывать, тела-то там нет.

– Нет, Николенька, – эхом отозвалась мама.

– И его там никогда не было, – безжалостно закончил отец. – Мы с тобой хорошо знаем, где Анна. Верно?

– Да, – промямлила мать.

– Девочки у нас не было, – жестко повторил, как отрубил, отец, – хватит. Вычеркни из памяти все, что связано с Бибиковым. Пойми, наконец, Аня не могла жить. Мы бы все равно ее лишились – лет в двенадцать-тринадцать, когда пубертатные изменения начинаются. И вот тогда это стало бы трагедией. А в четыре года? Ребенок в этом возрасте еще не человек, так, личинка. Он себя как личность не осознает. Все прошло гладко, безболезненно для девочки, она умерла, ничего не поняв. Давай ее наконец-то забудем. У нас есть Ваня, мы оба очень его любим. Ваня Лавров. Он никогда не был Бибиковым.

– Но где гарантия, что мальчик не встретит других людей, которые ему сообщат про Анну? – спросила Регина Львовна.

– А кто в курсе-то? – усмехнулся Николай Петрович. – Валентина Гавриловна, как ты сейчас сказала, совсем лишилась ума, у нее старческая деменция[5 - Старческая деменция – старческое слабоумие. Несмотря на название, может возникнуть и в раннем пенсионном возрасте.], бабку содержат в психиатрической лечебнице. Кто ей поверит? Людмила в Лондоне. Кто еще? Юрка? Он будет молчать. И что, в конце концов, знает Бибиков? Расскажет правду о вашем браке? Сейчас это уже никого не волнует. Проехали. Живем счастливо дальше.

– Ты забыл про дом на Новодонской! – вдруг закричала Регина Львовна. – Кое-кто еще вполне нормален, не все старухи безумны. Свидетелей тьма! Все помнят Аню!

– Новодонская теперь называется бульваром Коваленко, – попытался успокоить ее муж. – Учитывая привычки аборигенов, думаю, девять десятых из тех, кто

видел Анну, давно спились, а выжившие забыли, как их самих зовут.

– Светка-то опознала Ванечку, – напомнила ему супруга, – по родинкам. Вдруг еще кто-то таким же глазастым окажется? Телефон она свой дала, сказала, хочет зубы лечить.

– Забудь! – буркнул муж. – Я с ней разберусь, она к нам никогда не сунется. Конец разговорам! Завтра же отвезу парня в свою клинику, пусть ему эти чертовы отметины удалят. И все. Никаких проблем. И подумай, ну что страшного, если кто-то вспомнит Аню? Девочка умерла от неизлечимой болезни, есть документ. Что нам грозит? Ваня никогда ничего не заподозрит.

– Нет, – перебила Регина Львовна, – так нельзя. Я решила рассказать Ване правду.

– Офонарела? – выпалил отец. – Совсем…

Иван вздрогнул. Николай Петрович никогда не употреблял матерных слов и вдруг выругался в лицо любимой супруге.

– Не могу я вечно жить в страхе, – продолжала мама. – В день смерти Ани ты убеждал меня, что истина никогда не выплывет на свет.

– Правильно, и не всплывет, если сами глупостей не наделаем, – перебил ее Николай Петрович. – Хватит истерик. Устал от твоих постоянных слез по ночам, от нытья и припева: «Девочку убили». Возьми себя в руки! А может, тебе опять таблеток попить? Только не тех, что раньше, сейчас есть препараты получше. И я тебя не обманывал, все концы утоплены в глубокой воде.

– А Светлана Перепечкина? – снова захныкала мать. – Она, по твоему мнению, дура, зато внимательная. Узнала «браслет», наговорила Ване всякого, жонглировала фамилией Бибиков. Баба помнит и Юру, и Анечку мою несчастную. Сегодня прозвенел первый звонок. Светка…

– Сказано, забудь о твари! – взревел муж.

– Тише, – взмолилась мама, – мы на балконе.

– Два часа ночи, все давно спят, – возразил Николай, но орать перестал. – Запомни, дура: если посмеешь рот открыть, я тебя в порошок сотру. Ты никакого права не имеешь самостоятельно что-то решать.

Мать зарыдала, послышались странные звуки, словно по полу прыгает гигантская лягушка. Затем через открытое окно в спальню Вани вновь потянулся запах дыма. Ваня перегнулся над подоконником и увидел отца. Он остался один, смотрел вдаль, стоя в профиль к сыну. Мальчик не мог как следует рассмотреть его лицо, но щека отца казалась окаменевшей. Он глубоко затянулся, затем швырнул сигарету вниз, произнес сквозь зубы: «Сука!» – и выпрямился. Испуганный Иван живо спрятался, и через пару секунд до его ушей долетел характерный скрип – человек, которого Иван всю жизнь считал родным отцом, закрыл дверь балкона изнутри супружеской спальни.

Глава 5

На следующий день Николай Петрович разбудил сына около шести утра.

Лавров работал главврачом в частном медицинском центре, сам оперировал, на работу он укатывал без пятнадцати семь. А Ваня уходил в школу около девяти, первый урок в его гимназии начинается в десять. И еще вчера, приди отцу в голову идея вытащить сына из-под одеяла в несусветную рань, мальчик бы начал ныть: «Зачем? Спать хочу! Отстань!»

Но подслушанный ночью разговор так испугал Ивана, что его вымело из теплого гнездышка за секунду.

– Сегодня на занятия не пойдешь, – приказным тоном заявил отец, – едем ко мне в клинику. Завтракать нельзя.

Ваня молча кинулся в ванную.

– Эй, почему ты ничего не спрашиваешь? – удивился отец.

Ваня понял, что его послушание выглядит подозрительно, но не сообразил, что ответить. Слава богу, на помощь пришла мама.

– Да он же еще спит! Всегда такой, когда из-под одеяла выбирается. Сейчас умоется и оживет.

Иван мысленно поблагодарил ее и, сев в машину отца, постарался вести себя как обычно – стал интересоваться, куда и зачем его везут, и даже слегка покапризничал.

Николай Петрович спокойно объяснил:

– Меня беспокоят родинки на твоем запястье, а сегодня в клинике принимает профессор Вуколов. Он редкий гость в столице, давно живет в США, в Россию прилетает лишь по приглашению богатых пациентов. Вуколов лучший специалист по родимым пятнам, у нас есть уникальная возможность проконсультироваться у гения. Если он велит удалить «браслет», сразу проведем операцию, поэтому я просил тебя не завтракать.

Ваня вцепился в сиденье.

– Испугался? – улыбнулся отец. – Не стоит дрожать. Общего наркоза не предвидится, применим местное обезболивание. Даю честное слово, ты не испытаешь неприятных ощущений. Пустяковое дело, через неделю позабудешь о том, что родинки были, шрамов не останется. Ну, подай гудок! Думаешь об онкологии? У тебя ее стопроцентно нет.

– Ага, папа, – выдавил из себя Ваня, который отлично понимал, что в его-то случае дело вовсе не в раке кожи.

Николай Петрович не обманул сына. Родинки быстро и безболезненно убрали каким-то аппаратом, запястье забинтовали, велели не мочить руку и оставили Ваню в палате до вечера. Отец неоднократно заглядывал к нему, Ване принесли вкусную еду, замечательные пирожные из местного буфета, можно было смотреть телевизор, играть в игрушки на айпаде. Отвези его папа в клинику неделей ранее, Ваня пришел бы в полный восторг и провел время в свое удовольствие. Но сегодня его душил страх.

Значит, правда то, о чем говорили отец с матерью? У него была сестра Аня, которую в четырехлетнем возрасте убил отец? Причем – сестра-близняшка? Мама упомянула день рождения дочки, шестнадцатое марта, а это ведь дата появления на свет его самого, Ивана. И вообще, оказывается, Николай Петрович ему совсем даже не родной папа, а отчим. Мама ранее была замужем за неким Юрием Бибиковым, Лавров потом усыновил мальчика. Значит, родители всю жизнь лгали ему? По рассказам мамы, она очень рано стала сиротой – ее предки скончались, когда дочь закончила десятый класс. Тогда она отправилась из украинского села, что близ городка Артемовска, в Москву. Поступила в медвуз, встретила там Николая, и некоторое время они жили в гражданском браке. Официально союз они оформили лишь после рождения единственного обожаемого сына…

На следующий день утром Ваня сказал, что у него болит рука, и попросил оставить его дома.

– Вдруг инфекцию занесли? – всполошилась мама.

– Нет, – засмеялся муж-хирург, – у нашего Ваньки другая тяжелая напасть, которая называется воспаление хитрости. Что, сегодня у тебя, сын, контрольная по английскому? Ладно, прогуливай.

Едва родители уехали на службу, Иван кинулся в их спальню и сделал то, что никогда ранее не приходило ему в голову, – нашел паспорт отца и посмотрел на штамп, поставленный в загсе. И сделал малоприятное открытие: брак Николая Петровича Лаврова был зарегистрирован всего десять лет назад.

Как все счастливые дети, Ванечка не интересовался жизнью папы и мамы до своего рождения. И он был не любопытен, не совал нос в ящик, где мать хранила всякие бумаги. Но на сей раз он учинил настоящий обыск. Увы, ничего особо значимого там не нашлось, кроме его метрики, из которой следовало, что Иван появился на свет в Москве у Регины Львовны Горкиной и Николая Петровича Лаврова. Ваня решил, что документ фальшивый. Если хирург, судя по штампу в паспорте, повел в загс свою избранницу на пять лет позднее, а их сын через некоторое время справит пятнадцатилетие, то после проведения самого простого арифметического действия становится понятно: мальчику исполнилось четыре года, когда его родители зарегистрировали брак. Чего ж они так долго ждали, если, по словам матери, обожали друг друга со студенческой скамьи? Ответ один: Регина была замужем за Юрием Бибиковым, имела детей не от

Лаврова, сменила супруга, когда сын уже ходил в детсад. Новый муж усыновил Ваню, затем договорился с тетками в нужной инстанции, и те выдали метрику, в которой слегка поправили данные.

Ване стало страшно. Неужели у Регины и Юрия Бибикова были близнецы? Лавров не испытывал желания кормить двух детей от первого брака жены и решил оставить в живых Ивана, а девочку убил. Мать Регины, зная правду, порвала все отношения с дочерью и новым зятем, младшая сестра тоже прекратила общение с ними. Но почему они не помчались в милицию, не сообщили о смерти малышки?

Ваню от этих мыслей затошнило, он решил поговорить со Светланой Перепечкиной. Она оставила в его блокноте свой мобильный телефон, мальчик отдал листочек маме. Но продавщица очень сильно нажимала на ручку, отчего на нижней страничке остались отпечатки цифр. Иван взял простой карандаш, слегка заштриховал лист, и номер проявился. Он позвонил.

– Да? – ответили ему почти мгновенно.

– Меня зовут Иван, – представился паренек. – Вы сказали, что хотите полечить зубы со скидкой. Я сын Регины Львовны и…

Тихий голос прервал его:

– Мальчик, Светланы нет.

– Передайте, пожалуйста, что ей звонил Ваня, – попросил паренек, – это насчет посещения дантиста.

– Иван, – сурово произнесла женщина, – Светлане дантист больше не понадобится. Она умерла.

– Я же ее совсем недавно видел, – обомлел Ванечка, – мороженое у нее покупал.

– Такова жизнь, – вздохнула незнакомка, – сегодня ты жив, а завтра в морге. Светлана в среду под машину угодила. Так что не трезвонь, у нас хлопот с похоронами выше ушей.

Вот когда Иван перепугался по-настоящему. Он мигом вспомнил, как Николай Петрович во вторник ночью буркнул: «Я с ней разберусь. Она к нам никогда не сунется». Мальчик от ужаса покрылся потом, затрясся, рухнул на диван и – неожиданно заснул.

Следующую неделю Ваня провел, как под наркозом. Он пытался делать вид, будто ничего не случилось, ходил в школу, сидел у компьютера, вот только не очень хорошо получалось общаться с отцом и матерью. Раньше Ваня с большим удовольствием проводил время с родителями за ужином, в отличие от большинства тинейджеров он не пытался под любым предлогом удрать из дома. Но сейчас его передергивало от одной мысли, что придется разговаривать с теми, кто его так беззастенчиво обманывал.

Впрочем, ложь насчет того, что Николай Петрович ему не родной отец, мальчик еще мог простить. Он никогда не встречался с Юрием Бибиковым, не испытывал к нему никаких чувств, всю свою жизнь считал Лаврова отцом и был готов и дальше относиться к нему так же. Иди речь только об усыновлении, Ваня бы и глазом не моргнул. Но отчим оказался убийцей, а мать женщиной, покрывавшей преступника. Как можно забыть об убитой негодяем дочери и продолжать жить с ним? Как поступит Лавров, если поймет, что Ване известна правда? С кем можно посоветоваться? Следует ли ему, Ивану, направиться в полицию и рассказать там об открывшейся ему информации? Хорошо ли доносить на Николая и мать, как Павлик Морозов? Правильно ли молчать и делать вид, будто в семье все по-прежнему?

Через три дня мучений Ваню обсыпало красными пятнами, у него поднялась температура, и родители, решив, что у сына аллергия на что-то, велели ему сидеть дома.

В четверг вечером, придя с работы, Регина заглянула в комнату сына и спросила:

– Тебе лучше?

– Немного, – ответил Иван, не отрывая взгляда от монитора компьютера.

Мама села на край письменного стола и неожиданно сказала:

– Нам надо поговорить. Вдвоем, без папы. Только дай честное слово, что никогда не расскажешь ему, о чем мы сегодня беседовали.

Ваня еще больше испугался. Похоже, мать решила открыть ему правду. Но Ване совершенно не хочется ее слушать! Пока он хоть может изображать, что все отлично, а вот если мать выложит перед ним грязное семейное белье, потребуется как-то реагировать на информацию. Придется срочно решать: продолжать жить с убийцами и обманщиками, закрыв глаза на все, совершенное ими, или уйти из дома. Но куда идти-то? На последний вопрос ответа не было.

– Ну, – поторопила мама, – согласен хранить тайну?

– Может, не надо, мам? – промямлил Ванечка. – Я вообще-то болею, голова кружится, температура вроде опять поднимается.

– Выглядишь ты нормально, – не сдалась мать. – И я хочу побеседовать, пока папа не пришел. Пусть это будет наш секрет.

– Нехорошо иметь от отца тайны, – продолжал сопротивляться Иван, – неправильно.

– Верно, сынок, – раздался из коридора знакомый голос, и в комнату вошел Николай Петрович. – В нормальной семье ничего не делают втихомолку.

Мальчика передернуло от лицемерия отчима, а застигнутая врасплох мама забормотала:

– Я хотела сделать сюрприз… э… ну… скоро твои именины, надо подготовиться, обсудить, где отмечать…

Ваня старательно не отрывал глаз от компьютера. Ну и глупость сказанула мать! День рождения отца будет через десять месяцев. Рановато думать о выборе ресторана.

Николай Петрович взял жену под руку:

– Сделай лучше мне чаю. Не мешай парню доклад писать, потом пошушукаетесь насчет подарка. Вообще-то я хотел вручить список пожеланий медведю Пафнутию. Как думаешь, Вань, он по может?

Несмотря на неприятную ситуацию и страх, теперь постоянно испытываемый перед отчимом, Иван заулыбался. В доме Лавровых существовала такая традиция – незадолго до своего дня рождения Ваня составлял перечень того, что хотел получить в подарок, и вкладывал листок в карман штанишек большого плюшевого медведя. Почему топтыгина звали Пафнутием и как завелась эта привычка, Ваня не помнил, но до сих пор прибегал к помощи игрушки. И как правило, Пафнутий его не подводил.

Глава 6

Родители ушли, а Иван лег в кровать и притворился спящим. Минут через десять дверь в детскую приоткрылась, и отец сказал:

– Ваняша, пойдем ужинать.

Мальчик старательно засопел. Хирург подошел к постели, постоял пару секунд, потом подоткнул со всех сторон одеяло и ушел, а Ваня неожиданно быстро заснул по-настоящему.

Ночью его разбудил шум и звук голосов. Он вышел в коридор, увидел незнакомых женщин, отца, перепугался и спросил:

– Что случилось?

Николай Петрович, ничего не сказав, бросился на лестничную клетку. Одна из теток поспешила за ним, вторая ответила:

– Мы «Скорая помощь». У твоей мамы плохо с сердцем, увозим ее в больницу.

– Она не умрет? – прошептал Иван.

– Ты уже взрослый, не побоишься один остаться? – продолжала женщина, проигнорировав его вопрос. – Папа едет с нами.

– Я тоже хочу! – воскликнул Ваня.

– В машине только одно свободное место, – отрезала тетка, – Николай Петрович прекрасный врач, от него будет больше толка, чем от тебя.

Когда взрослые покинули квартиру, мальчик помчался на балкон и успел увидеть, как со двора медленно, не включив сирену, выкатывает белый микроавтобус, а за ним джип отца. Его опять обманули! Во внедорожнике полно места!

Николай Петрович явился домой часов в одиннадцать утра, и по его лицу Ваня сразу понял: случилось несчастье.

– Нашей мамы больше нет, остались мы с тобой одни, сыночек, – произнес Лавров. – Будь мужчиной, держись.

Иван умчался в свою комнату и там зарыдал.

Как прошли дни до похорон, он не помнит. Его снова обсыпало красными пятнами, которые отчаянно чесались, и он расцарапал кожу до крови. В доме постоянно толкались люди, в основном коллеги Николая Петровича. Гости не оставляли хирурга ни на минуту одного. А к Ивану буквально прилипла женщина, которую все называли Юлей. Она теребила подростка, заставляла его глотать таблетки, мазать отметины вонючим кремом, совала в рот еду и довела Ваню своими заботами почти до истерики. Единственным местом, где мальчику удавалось спрятаться от навязчивой тетки, был туалет. Поэтому он взял айпад и заперся там.

В квартире было несколько санузлов, Иван ретировался в тот, что прилегал к ванной, и, чтобы хоть как-то успокоиться, стал читать свои любимые стихи. Лавров-младший абсолютный гуманитарий. Он увлекается поэзией Серебряного века [6 - Серебряный век – период расцвета русской поэзии с 1880 по 1920 г., характеризуется появлением большого количества поэтов и поэтических течений.], сам составляет вирши, которые никому не показывает, и ничегошеньки не смыслит в физике-математике-химии.

Не успел он перевести дух, как в дверь принялась стучать Юлия:

– Ваня, открой!

Паренек проигнорировал ее просьбу, но противная тетка не ушла, наоборот, удвоила старания:

– Тебе плохо? Ответь! Ванечка! Дорогой! Котик!

От последнего словечка у Ивана снова начался зуд, он потерял терпение и хотел было заорать: «Отвалите!» Но тут какая-то женщина с той стороны двери сказала Юлии:

– Прекрати!

– Он, наверное, сознание потерял, – зачастила приставала, – надо дверь выбить.

Только Иван подумал, что, пожалуй, лучше ему выйти, как из коридора донесся шорох, а затем вдруг откуда-то с потолка долетел голос этой самой второй женщины:

– Ты что творишь, а?

Ваня не удивился. Ванная и туалет имеют общую трубу вентиляции, поэтому звуки беспрепятственно проникают из одного помещения в другое. Значит, сейчас одной из посетительниц удалось затолкать зловредную тетку-прилипалу в ванную с джакузи.

– Мальчик внезапно лишился матери, – ответила Юлия, – он нуждается в сочувствии. Вот горе-то!

– Но не для тебя, – зло перебила другая женщина.

– Господи, Лика, что за слова? – возмутилась Юлия.

– Я знаю все! – перебила ее Лика.

– Что? – с вызовом поинтересовалась «прилипла».

– Думаешь, раз Регина скончалась, Коля твой? Гадина!.. – выругалась Лика. – Я же вижу, ты давно сафари на Лаврова открыла.

– Не неси чушь! – зашипела Юлия. – Я его операционная сестра, поэтому всегда рядом. Не повторяй тупые сплетни. Я не охочусь ни на чьих мужей.

– Верно, – неожиданно согласилась Лика, – из ружья в открытую не стреляешь, змеей вползаешь в чужую семью. Отстань от мальчика, не смей делать его объектом своих манипуляций.

– Дура! – гаркнула Юлия.

– Эй, можно руки помыть? – закричали из коридора.

Женщины перестали ссориться и ушли…

Иван прервал рассказ и посмотрел на меня.

– Понимаете? Лавров убил мою маму. Понял, что она готова раскрыть мне тайну, сообщить, куда подевалась Аня, и убил. Мама никогда не жаловалась на здоровье, по врачам не бегала. С чего ей внезапно умирать? Да еще сразу после того, как решила во всем мне признаться? Я же мигом догадался, о чем она рассказать собралась. А Николай этого допустить не мог. Он и с мамулей никогда не ругался… ну, кроме того раза, на балконе. Отец казался заботливым. А вскоре после похорон у нас поселились Юлия и Настя.

Я удивилась.

– Твой отец привел в дом другую женщину? А кто такая Настя?

– Дочь Юлии, – пояснил Ваня. – Она хорошая, на год старше меня, учится в институте. Мы с ней подружились.

– И как твой отец объяснил появление в квартире Юлии? – недоумевала я.

Иван сгорбился.

– Очень просто. У нас большая квартира, двухэтажная, восемь комнат. Родительская и моя спальни наверху, между ними библиотека. А внизу гостиная, столовая, кухня и три пустые комнаты. После маминой смерти Лавров нанял дом работницу, но та воровала деньги, и пришлось ее выгнать. Наверное, он пожаловался на работе, что готовить некому, и Юлия пришла обед сварить. Сначала просто к нам в гости заруливала, по хозяйству помогала, затем у нее дома пожар случился. Денег у Юлии немного. Она медсестра, но не такая, что больным уколы делает, а операционная, им родственники ничего за уход не дают. Квартиру ей снять не по карману, а еще ведь нужно свою двушку ремонтировать, новую мебель покупать. Юлия денег у отца за готовку-стирку-уборку не брала. Вот он и предложил ей ответную помощь. И похоже, прилипала у нас надолго задержится, никак ремонт в квартире не начинает. Она такая противная!

Я посочувствовала пареньку:

– Воспитывает тебя, постоянно делает замечания, ругает и хвалит свою дочь Настю?

– Вот и не угадали, – возразил Иван, – совсем наоборот. Заботливая до жути, шагу мне ступить не дает.

Мальчик широко раскрыл глаза, глупо заулыбался и запищал, явно пытаясь сымитировать голос Юлии:

– «Ванечка, покушай пирожков, специально тебе испекла. Ванятка, надень шапочку, простудишься. Ванюша, не сиди у компьютера, глазки испортишь. Котик, почему ты не доел супчик? Не нравится? Сейчас новый сварю».

Он передернулся.

– Ни на секунду не отстает. Лучше б она меня гнобила, а то прямо как шоколад с медом и взбитыми сливками. Зато Настю свою Юлия шпыняет. «Не тронь

булочки! Зачем они тебе, и так задница толстая. Для Ванюши их испекла, он сирота. Не куплю тебе новые туфли, еще старые хорошие, я Ванечке свитер приобрела, ему одежка нужнее. Немедленно выключи канал с песнями, пусть Ванятка познавательную программу смотрит». Мне перед Настей неудобно, но она молодец, не злится на мать. Хоть ей и обидно. Пару раз я замечал, как Настя после материнской взбучки в ванную бежала и душ там включала. Наверное, плакала. Вот тупая Юлька-липучка! А я, видите ли, котик Ванятка…

Иван мрачно ухмыльнулся и замолк.

– А почему ты оказался в клинике? – задала я бестактный вопрос.

Подросток съежился.

– Мне плохо стало. То в жар кинет, то в холод. Желудок взбунтовался, тошнило постоянно, сон пропал. Я Николаю Петровичу пожаловался, а тот спокойненько так ответил: «Ваня! Я знаю про твои проблемы с математикой. Мне репетитор рассказал, что ситуация с алгеброй и с геометрией совсем невеселая. Понимаю, ты боишься контрольных, которые перед концом триместра начнутся, надеешься их из-за болезни пропустить. Но это неправильно. Нельзя голову в песок прятать, перестань симулировать, начинай усердно заниматься!» Только мне все хуже делалось. Что ни съем, наружу выскакивает, голова кружится, руки трясутся. В конце концов Юлия заметила, что я загибаюсь, и Николаю настучала. Мне он не поверил, а в словах липучки сомневаться не стал. Отвез меня к себе на работу, там по кабинетам протащил, и доктора поставили диагноз: невроз. То есть, по мнению врачей, в принципе я здоров, но из-за стресса, вызванного смертью мамы, нервы расшатались, отсюда и плохое самочувствие. Через день Николай меня сюда привез. Вообще-то через неделю мне уже лучше стало, однако находиться здесь придется долго. Николай Петрович сказал, что потом я пойду в экстернат, в свой класс не вернусь, программу не догоню. Попросил, чтоб я не волновался, он так сделает, что у меня получится хороший балл по ЕГЭ, и я непременно попаду на журфак МГУ. А мне в голову разные мысли полезли. Почему дома меня тошнило, зато в клинике я прямо воскрес? По какой такой причине Лавров решил о моем ЕГЭ позаботиться? Раньше-то зудел: «Учись хорошо, сам всего добивайся, на доброго папу не рассчитывай. Ты мужчина, должен самостоятельно карьеру делать». Когда я на тошноту и головокружение пожаловался, Лавров отмахнулся, а стоило Юлии шум поднять, сразу меня в клинику запихнули. Как в тюрьму посадили – айпад, мобильник и ноутбук отняли. Хорошо, Майечка Михална тайком мне сотовый дала, чтобы нам

переписываться. Почему Лавров так себя ведет? Стопудово, он мне дома в еду какую-то отраву подливал. Задумал и меня убить по-тихому. Он так маму мою на тот свет отправил. Опытный врач знает, как и какие лекарства для этого использовать. Получается, прилипала мне жизнь спасла. Она же медсестра, вот Николай Петрович и испугался, что все откроется. Живо меня в клинику поместил, хотел показать Юльке, какой он заботливый. Но я же вернусь домой, и что тогда будет? Ой!

Иван вдруг вскочил и занырнул под стол, накрытый свисающей до пола скатертью. Меня охватила жалость. Я нагнулась, приподняла край льняной ткани и поинтересовалась:

– Что тебя испугало?

Ваня прижал палец к губам.

– Тише, он тут.

– Кто, дружок? – осторожно осведомилась я, понимая, что паренек серьезно болен.

– Николай, – прошептал мальчик. – Мне страшно. Слышите шаги под окнами? Вы должны спасти Майю Михайловну. Николай доведет задуманное до конца. Он толкнул Николаеву под машину. Не вышло ее убить, он повторит попытку! Я вам все-все сейчас расскажу… Знаю, думаете, я псих, но это не так. Предупредите врачей там, где лежит Майка Михална, пусть вообще никого к ней не впускают. Она правду про смерть Ани раскопала.

Я залезла под стол и обняла Ваню. Он не сопротивлялся, уткнулся в мое плечо и притих. Я осторожно гладила мальчика по голове и бор мотала:

– Все будет хорошо…

Иван вытер нос кулаком и отстранился от меня.

– Ага. Мама воскреснет, вернется с того света, приведет убитую Аню, Николая Петровича накажут, Юлия уметется прочь, и мы будем жить долго и счастливо и

умрем в один день. Вы можете мне помочь?

Я уже твердо решила обратиться в клинику, найти врача, ответственного за Ивана, и попросить внимательнее следить за ним. Навряд ли отец паренька будет доволен, узнав, что мальчик, страдающий манией преследования, отягощенной бредом, разгуливает по территории и рассказывает встречным и поперечным небылицы. Сейчас надо отвести Ваню в корпус и сдать в руки медперсонала.

– Вы можете мне помочь? – звенящим от напряжения голосом повторил несчастный ребенок.

– Конечно, дорогой, – сказала я. – Но давай сделаем глубокий вдох, задержим дыхание, досчитаем до трех и медленно выдохнем.

Иван улыбнулся:

– Вы прямо как моя мама. Он ушел?

– Сюда никто не приходил, – опрометчиво возразила я.

Лицо парня вытянулось:

– Но я слышал. Майечка всегда из-за Рудольфа Ивановича форточку открытой на кухне держит, вот звуки с улицы в дом и проникают. Значит, вы мне не верите. Думаете, что перед вами псих.

Я опомнилась.

– Извини, я неправильно выразилась. В дом не врывались посторонние. Сейчас гляну, не стоит ли кто под окном.

– Пожалуйста, – прошептал Ваня. – А еще хорошо бы проверить маленькую терраску, оттуда есть выход на улицу.

– Сиди спокойно, я скоро вернусь, – пообещала я и поспешила в спальню Майи Михайловны, где на тумбочке у кровати стоит телефон, напрямую соединяющий

хозяйку коттеджа с больницей.

– Слушаю, – сказал удивленный голос, едва я поднесла трубку к уху.

– Вас беспокоит Даша Васильева, – представилась я. – Много лет дружу с Майей Михайловной, и пока она в больнице, буду приглядывать за Рудольфом Ивановичем.

– Понятненько. Уже знаю, что с Майечкой случилось, – раздалось в ответ. – Меня зовут Роза, я работаю старшей медсестрой. Подумала сначала, что Николаева сбежала из клиники, ведь этим телефоном исключительно она пользуется. У вас проблемы?

Я рассказала о визите Вани и попросила:

– Может кто-нибудь увести мальчика? Сделать это надо невзначай, чтобы у него не сложилось впечатления, будто я вызвала подмогу. Не хочется, чтобы он решил, что все взрослые предатели и лгуны. Ваня хороший паренек, но, на мой взгляд, ему необходима помощь врача.

– Не волнуйтесь, – успокоила меня Роза, – здесь все такие артисты – Голливуд рыдает. Сможете еще четверть часика продержаться? Пожалуйста, не бойтесь, Лавров не агрессивен, не опасен, он просто никак не может свыкнуться с мыслью о смерти матери.

– Мы вполне мирно беседуем, – заверила я, – но опасаюсь, что паренек, уйдя из дома Майи Михайловны, вообще сбежит. Пожалуйста, придите за ним.

– Убежать отсюда невозможно, – заверила Роза, – у всех пациентов на ноге закреплен электронный браслет, на нем есть кнопка. Клиенты уверены, что это вызов медперсонала. Станет человеку нехорошо, голова, скажем, закружится, или сердце защемит, можно сразу на помощь позвать. И это правда. Но у браслета есть еще одна функция, о которой мы подопечным не сообщаем, – это маячок. Если человек без спроса пытается пересечь границы нашей территории, у охраны срабатывает сигнал.

Глава 7

Я вернулась на кухню, нырнула под стол и отрапортовала:

– Чужим духом не пахнет. Двери заперты. Посторонних нет. Давай вылезем, чайку попьем.

Ваня послушался. Мы снова сели на стулья, и мальчик тихо сказал:

– Теперь я здесь как арестованный. За ворота выйти не могу, потому что на ногу электронный датчик навесили. Во!

Иван задрал штанину. Я, увидев на его лодыжке черную коробочку с красной кнопкой, быстро сказала:

– Похоже на экстренный вызов медперсонала.

Парень неожиданно засмеялся:

– Ну да, тут всем так и говорят. Но я не идиот, сообразил: как только перелезу через забор, у охраны красная точка на карте вспыхнет. Лаврову не удалось меня убить, вот и запихнул в тюрьму, намерен с помощью местных таблеток в дурака превратить. Но я лекарства не ем, делаю вид, что глотаю, а сам капсулы под язык прячу и, едва медсестра уйдет, выплевываю. Если б не Майя Михайловна, я бы уже повесился!

– Как же ты познакомился с Николаевой? – удивилась я.

– Ксюша подсказала, – не стал скрывать Ваня. – Она в соседнем номере жила, попала в клинику из-за попытки самоубийства. Ее парень бросил, вот она и решила… Я с ней подружился, а Ксю сказала, что пилюли полная хрень, их лучше вышвыривать. И местным психотерапевтам доверять нельзя – они из тебя душу вытрясут и потом родственникам все-все расскажут. Врачам надо врать, тогда быстро отсюда выберешься. По-настоящему здесь лишь один хороший человек есть, кастелянша Майя Михайловна, с ней можно откровенничать. Ксю меня сюда привела, и Майечка была единственной, кто поверил, что я говорю правду. Она пообещала разобраться, выяснить все про Аню, сказала: «Дороюсь

до истины. А ты пока сиди тихо, ешь с аппетитом, с персоналом не спорь, соблюдай режим. Когда отец навестить тебя придет, букой не сиди, прояви к нему любовь, сделай вид, что выздоравливаешь. Я тем временем все раскопаю, и тогда, вооруженные информацией, мы сможем победить злодея». Я ее послушался, затаился. Прямо сюсюкаю с отчимом, когда он меня навещает.

– Понятно, – остановила я вновь сильно разнервничавшегося парня.

– Давайте поищем в тайнике! – вдруг попросил Иван. – Мне Майечка сказала: «Есть в моем особняке укромное местечко, которое лучше любого сейфа. Не волнуйся, все, что найду, будет в нем сохранено». Пошли скорей, осмотрим все.

– Нет! – остановила я вскочившего Ваню. – Мы не имеем права в отсутствие хозяйки устраивать обыск.

– Там хранится то, что Майя Михайловна собрала для меня! – воскликнул мальчик.

– Все равно, – решительно заявила я, – без разрешения владелицы коттеджа нельзя тут хозяйничать.

– Пожалуйста, поезжайте в больницу к Майечке, предупредите охрану, что на нее могут напасть! – взмолился Ваня. – И пусть она вам расскажет, где папка с документами. Передайте ей: Ваня очень просит открыть вам место тайника. Ой, кто-то идет! Шаги за окном!

– Успокойся, милый, – начала я, и тут раздался звонок в дверь.

Иван испуганной мышью снова метнулся под стол.

– Ну и слух у тебя… – восхитилась я. Затем направилась в прихожую, распахнула дверь и увидела полную женщину с большим пакетом в руках.

Незнакомка вопрошающе посмотрела на меня, я махнула рукой в сторону кухни.

– Добрый день, Дашенька, – громко произнесла посетительница, – рада вас видеть. Узнали меня? Я Роза, старшая медсестра.

– Ну конечно, нас же Майечка давно познакомила, – почти закричала я. – Хорошо, что заглянули.

– Принесла чистое белье и полотенца, – голосила Роза. – Где их лучше оставить?

– Думаю, на кухне, – заорала я.

– Чайком не угостите? – подхватила она и скинула сапоги. – Погода слякотная, я совсем замерзла, пока сюда от корпуса бежала.

– Сыро очень, – согласилась я, глядя, как гостья освобождается от верхней одежды. – Проходите, пожалуйста, чаю не жалко.

– Скорей бы весна! – тоном диктора, читающего новости, продолжала Роза.

Во всю глотку вопя о погоде, мы вошли в кухню. Роза обвела ее взглядом, я указала глазами на стол. Медсестра заохала:

– Скатерка-то совсем грязная. Давайте вы стираю.

– Обойдусь такой! – воскликнула я.

– Нет, нет, нам не трудно, мы всегда Майечке белье стираем в нашей прачечной, – возразила Роза. – Не в корыте руками, включаем машинку. Ну-ка!

Быстрым движением она сдернула льняную скатерть и весьма натурально изобразила изумление:

– Ваня?! А что ты тут делаешь?

Подросток покраснел. Я спросила:

– Нашел?

Иван оказался не столь понятлив, как старшая медсестра, и растерянно спросил:

– Что?

– Серьгу, что выпала из моего уха, – подсказала я. И повернулась к Розе: – Рудольф Иванович такой безобразник! Не успела я ахнуть, как кот выскочил на улицу. Я бросилась за ним, думала, не поймаю. Но тут, на счастье, Ванечка мимо шел и беглеца схватил. Я мальчика в благодарность чайком угостила. Да вот незадача, сережку выронила!

– Ваня у нас замечательный, всегда поможет, – принялась хвалить пацана Роза. – Отыскал украшение?

– Не-а, – пробормотал тот. – Наверное, куда-то отскочило.

– Спасибо, милый, – сказала я. – Вылезай, нет больше нужды на коленях ползать, буду кухню подметать и найду потерю.

– Скоро ужин! – засуетилась Роза. – Пошли, Ванечка! У нас сегодня макароны болонез и твой любимый салат из рукколы с вялеными помидорами и белыми грибами. Еще яблочный штрудель к чаю.

– Ужин в восемь, а сейчас без пятнадцати семь, – напомнил Ваня.

– Даша только приехала, хочет вещи разложить, – выдвинула другую версию Роза. И поспешила с третьей: – Ты небось тут давно сидишь, а скоро твой папа явится, будет тебя искать.

– Сам знаю, когда в корпус возвращаться, не маленький, – уперся Иван. – И не в тюрьме сижу, не обязан есть по-вашему расписанию! Чего вы на меня налетели, замечания делаете?

Гневную речь Вани прервал писк городского телефона. Я схватила трубку:

– Коттедж Николаевой. Слушаю вас.

– И где ты? – затараторила Эля. – Степан на подходе, с дороги звонил, спрашивал, на каком перекрестке лучше повернуть.

Я вовсе не собиралась идти в гости, но сейчас обрадовалась.

– Уже одеваюсь. Напомни еще раз номер дома и квартиры.

– Выйдешь из ворот клиники, и сразу перед тобой будет здание, – ответила «лучшая подруга». – Я живу на первом этаже.

– Уходите? – поинтересовалась Роза, когда я завершила беседу.

На моем лице засияла улыбка:

– В гости позвали. Тут близко, дом через шоссе от больницы.

– Так мы с Ванечкой вас проводим, – засуетилась медсестра. – Правда, милый? Нам по дороге. Как, Ванюша? Нельзя же тебе тут, когда Даша уйдет, одному оставаться!

По лицу Ивана было видно, что он сильно нервничает – губы побелели, глаза словно провалились. В какую-то секунду я даже испугалась, что психически нездоровый парень закатит истерику, но Ваня удержался в рамках. Он молча кивнул, и мы поспешили к вешалке.

Честно говоря, я рассчитывала, что провожатые, дойдя со мной до ворот, отправятся в корпус, а я побегу назад, в домик Майи, и займусь своими делами, не реагируя на звонки Эли. Но они замерли у проходной, глядя мне в спину. Я перешла узкую улочку, взялась за ручку двери подъезда и оглянулась. Роза приветливо помахала рукой. Иван стоял без движения. На лице его застыло выражение такого отчаяния, смешанного со страхом, что мне захотелось вернуться. Но тут дверь толкнули изнутри, высунулась Эля.

– Чего тормозишь? Я увидела тебя из окна.

Пришлось войти в подъезд.

– Квартирка маленькая, но уютная, – заговорила хозяйка, едва мы переступили порог двушки. – Стандартная планировка, но я постаралась ее облагородить. Увлекаюсь живописью, вот и решила расписать мебель. Как тебе шкаф?

Я повернула голову в ту сторону, куда указывала хозяйка, и постаралась не расхохотаться во весь голос. Обычный встроенный шкаф, который можно встретить и в офисах, и в квартирах, креативная Эля превратила в нечто запредельно прекрасное. Двери-панели были неаккуратно выкрашены в белый цвет. Середину каждой украшало некое подобие герба: лошадь, отчего-то шестиногая, растения, смахивающие на фикус, и здоровенная корона. По углам красовались истошно-голубые незабудки и вроде бы лилии. Фон герба был ядовито-розовым и щедро сдобрен позолотой.

– Красота, да? – воскликнула Эля. – Эксклюзив. Существует в одном экземпляре.

– Супер, – пробормотала я, – никогда такой гардероб не видела.

– Конечно! – ликовала хозяйка. – Он уникален! Двигай в гостиную, там еще круче.

Я не успела вздохнуть, как Эля схватила меня за руку и втолкнула в квадратную комнату. Вмиг зарябило в глазах.

Ярко-красный диван накрыт леденцово-розовым пледом, на нем в художественном беспорядке раскиданы зеленые подушки. Кресло у телевизора смахивает на пограничный столб из-за характерной черно-белой окраски и снабжено лимонными кружевными салфетками, брошенными на подлокотники. Стенка, состоявшая из двух глухих шкафов и застекленного серванта, напоминает перезревший апельсин из-за буйно оранжевого колера и переливающихся стекляшек. Дополняют картину небесно-голубые шторы, бордовый подоконник и фиолетово-зеленый палас.

В центре жуткой комнаты располагались иссиня-черный обеденный стол и парочка стульев. Люстры не было, на стенах висели бра и картины, изображавшие котят в корзинке, белокурую обнаженную красотку на фоне моря, крошечную девочку с цыпленком в руке и щенят возле пасторальной избушки. А еще здесь пахло чем-то странным – вроде перцем, корицей, спиртом и мятой. Вероятно, аромат издавала еда, разложенная по мисочкам и щедро засыпанная зеленью.

Я попыталась сделать вдох и закашлялась.

– Круто? – с восторгом воскликнула Эля. – Почти все, как ты, дара речи лишаются. Думают, я миллионерша, раз мебель кристаллами Сваровски украсила. Не люблю, когда мне завидуют, поэтому сразу объясняю: вы можете точно так же облагородить любую поверхность. Понадобится специальный клей и куча разбитого хрусталя. Первый без проблем приобретается на строительном рынке, а стекляшки собираем по знакомым, просим в магазинах, где посудой торгуют, не стесняемся в мусорный бачок заглянуть. Всего-то делов, потюкать их молоточком, и битте-дритте, царская стенка готова. А какая у меня спальня – закачаешься! Ну, глянь…

Слава богу, именно в этот момент раздался звонок в дверь. Эля быстро распахнула один шкаф.

– Полезай!

– Зачем? – не поняла я.

– А как же ты нас увидишь? – удивилась в свою очередь хозяйка.

– Я полагала, мы за ужином побеседуем, – ответила я.

– Тю! – хлопнула себя руками по бедрам Эля. – Нет, так нельзя. При посторонних свиданий не устраивают. Лезь в шкаф и гляди в щель между створками, она широкая, обзор шикарный, я специально проверяла.

Только моей растерянностью можно объяснить то, что я беспрекословно послушалась девицу.

Эля оказалась права, гостиная предстала передо мной как на ладони.

Хозяйка схватила с подоконника флакон и щедро опрыскалась духами. Я почуяла тот самый перечно-мятно-корично-спиртовой аромат, только в ужасающем количестве, отчего в горле запершило, и меня стал сотрясать кашель.

Звонок во второй раз залился соловьем.

– Иду, дорогой! – крикнула Эля. – Секундочку.

Она схватила со стола бутылку с минералкой и сунула ее мне в шкаф со словами:

– Пей и сиди тихо.

– Что у тебя за духи? – прохрипела я, стараясь не дышать.

– «Страстное желание», – пояснила на ходу хозяйка, направляясь в прихожую. – С феромонами, от которых мужики теряют голову и сразу хотят секса.

Я сделала пару глотков и осторожно втянула носом воздух. Все-таки сильный и слабый пол – это два разных биологических вида. У меня от такой приманки просто коклюш открылся. А еще слегка подташнивает. Но это, скорей всего, можно списать на буйство красок в комнате. Хорошо, что я сижу в шкафу и не вижу, как искрятся осколки рюмок, наклеенные на стенку. Да, надо выключить мобильный у меня в кармане. Внезапный звонок из гардероба во время романтического свидания вовсе ни к чему.

Глава 8

– Входи, Степочка! – заговорила Эля. – Ботиночки сюда поставь, на полочку. Курточку давай в шкафчик повесим, расправь плечики… Ой, не так, сейчас поправлю. Ручки помоешь? Ванночка налево. Полотенчико розовенькое, мыльце в подставочке, оно абрикосовое. Если не нравится, возьми на ванне, там без запаха. Унитазик справа. Бумажка в держалке. Пипифакс двухслойный, с ароматом малины. Я не люблю зря деньги на ветер пускать, зачем хватать рулон из трех слоев? Он намного дороже, а по сути – то же самое. Ну, как? Ой, давай капельки на полу подотру. Сам не нагибайся, для домашних дел есть женщина, мужчина не должен ерундой заниматься, он на работу ходит. Придет усталый – а дома я со всем готовым. Сюда, дорогой, не споткнись о край коврика, устраивайся.

От болтовни Эли у меня заломило в висках, а она тараторила, как взбесившаяся сорока.

– Тебе хорошо на стульчике, Степочка? Не жестко?

Полный мужчина в костюме и рубашке с галстуком оглядел щедро накрытый дастархан и весело произнес:

– Когда такое угощенье, приятно сидеть даже на еже. Это тебе.

Эля взяла протянутую гостем одинокую гвоздику и закатила глаза:

– Спасибо! Обожаю цветы! Сейчас найду вазочку… У меня их полно, но все под огромные букетики. Обычно мне дарят много-много цветочков, но один – это так элегантно! Степочка, ты очень тонко чувствующий человек! С художественно-творческим вкусом. Мы родственные души! Я счастлива!

Эля быстрым движением воткнула хилую гвоздику в бутылку из-под шампанского, тоже оклеенную стразами из останков рюмок, затем повела плечами. Тоненькие бретельки огненно-красного атласного платья упали на предплечья, и без того глубокое декольте стало бездонным, и я, даже сидя в шкафу, поняла, что та не надела нижнего белья. Да, да, Элечка оказалась под вызывающим вечерним нарядом совершенно голая.

Степан замер. Поскольку он стоял ко мне спиной, я не видела его лица, но предположила, что мужик оцепенел, поняв, что Эля готова на все, и сейчас заключит ее в страстные объятия. Хорошо, если они уединятся в спальне! Но вдруг Степа уложит Элю на чудовищный диван? Куда мне тогда деваться? Придется закрыть глаза, зажать уши и постараться не сгореть от смущения. Я не принадлежу к категории людей, которые обожают подсматривать, как парочки веселятся в постели.

Степан издал протяжный стон. Элечка еще раз повела плечами, и скользкая ткань крохотного платья потекла вниз, но задержалась на груди. Кавалер всхлипнул, вытянул вперед руки…

Я зажмурилась, но заткнуть уши не успела, поэтому и услышала хриплый, прерывающийся от возбуждения голос гостя:

– Детка, ах, детка! Что это я вижу на столе? Неужели рулет из селедочки с яйцом?

Я открыла глаза. Степан, не обратив никакого внимания на принявшую картинно-сексуальную позу хозяйку, показывал рукой на длинное блюдо, заполненное серо-белыми кусками.

– Да, милый, – без особого восторга подтвердила Эля, – именно так.

– Не ел его после того, как бабушка умерла, – заявил Степа и уселся за стол. – М-м-м, картошечка! А в миске чего?

Элечка вернула бретельки на место и устроилась около кавалера. Стулья хитрая хозяйка поставила рядом, и мне распрекрасно были видны лица обоих.

– Там салатик из тресковой печени, – пояснила Эля.

– Обожаю! – воскликнул Степан.

На личике девушки отразилось разочарование, но она живо его стерла и начала исполнять роль заботливой хозяйки.

– Милый, вот салфеточки. Я люблю из льна, бумага портит вид празднично накрытого стола. Вообще обожаю покупать припасики, раскладывать по шкафчикам, потом вынимать и готовить вкусняшечки. Одну салфеточку я тебе на коленочки положу, вторую за воротничок заткну. Сними пиджачок, в нем жарко. И галстучек развяжи.

Степан безропотно повиновался, в глазах Эли вспыхнул огонь. Она встала, взяла стеклянную пиалушку с темно-фиолетовой массой и голосом церемониймейстера объявила:

– Лобио по-тайландски, из китайской лапши с итальянским соусом.

– Наваливай, – потер руки кавалер.

Хозяйка опять сделала быстрое движение плечами, верхняя часть платья ухнула вниз. Эля наклонилась, ее большая грудь вывалилась прямо на пустую тарелку, стоявшую перед Степаном.

Потенциальный муж с недоумением воззрился на бюст, взял нож и вилку…

На секунду я испугалась. Похоже, он собрался отрезать от персей кусочек! Но Степа не обладал замашками каннибала. Столовыми приборами он спихнул на скатерть то, чем природа столь щедро наградила хозяйку квартиры, быстро протер тарелку салфеткой и велел:

– Давай свое лобио. И рулета положи побольше. С картошечкой.

Эля подтянула платье, водрузила грудь на место и зачирикала:

– Я хорошо зарабатываю, имею личную двушку, убираю ее каждый день. Люблю, когда у каждой вещи есть свое место.

– М-м-м… – протянул Степан с набитым ртом.

– Обожаю делать мяско с рисиком, – трещала Эля. – Украшу его фигулечками-хренулечками из овощей, подам тебе, любимый, и буду смотреть, как ты ням-ням. Скажи, какое имя тебе больше нравится, Александр или Алексей?

– М-м-м… – промычал мужик.

– Лешенька? – закатила глаза Эля. – Мне тоже. Вот так и назовем нашего первенца.

Степан уронил вилку, сделал глотательное движение, подавился и закашлялся.

– Что такое, милый? Ой, возьми водички скорей! Она без газиков, от пузыриков животик пучит, – бросилась на помощь Эля. – Пей аккуратненько, не торопись. Дай подбородочек вытру… На-ка салфеточку новенькую. Сядь пряменько, не горбись, плечики расправь. Сейчас под спиночку подушечку подсуну. Мягонько? Удобненько? Уютненько? Только скажи, чего еще хочешь, я мигом устрою.

Гость наконец справился с кашлем и спросил:

– Какого мальчика?

Эля стрельнула глазами, надула губы, облизнула их и томно простонала:

– Нашего замечательного ребеночка. Я все уже распланировала. Сначала у нас появится Лешенька, затем Сашенька, потом Наташенька. Трое деток – счастливые родители. Родим Лешеньку, купим дачу, маленьким нужен свежий воздух!

Степан, успевший нацепить на вилку добрый кусок селедочного рулета, замер, а Эля вещала дальше:

– Грядочки вскопаем… У меня все всегда колосится, кустится, цветет и плодоносит. Беседочку поставим, мангальчик, чтобы шашлычок по субботам, колбаски по воскресеньям жарить. Я знаю чудненький рецептик маринада. Твоя мама вареньице сварит из клубнички, мальчику на зиму витамины закрутит из черной смородинки. А девочке – абрикосовый конфитюр.

Степа уронил вилку и перекрестился:

– Она давно умерла.

Эля заморгала.

– Кто умер?

– Маменька моя, – пояснил кавалер.

– Ой, как хорошо-то! – выпалила невеста. – То есть ужасно, что свекрови в живых нет. Но ничего, я сама джемчики сварганю. Ты только представь: через тридцать лет счастливого брака сидим мы с тобой на терраске, увитой диким виноградиком, рядом трое деток, с десяток внучат, кошки, собачки, и все весело разговаривают.

Степан икнул. Эля же продолжала рисовать картину буйного женского счастья:

– Моя мамочка вяжет, папочка в гараже возится. Эх, жаль, бабулечка до правнуков не дожила, но, с другой стороны, тогда б у меня этой чудненькой квартирочки не было.

– У тебя есть родители? – выдавил из себя Степа.

– Конечно, – удивилась Эля. – Не курочка же меня снесла! Мамулька еще молодая, папулька орел. Они помогут наших деток на ноги поставить, сэкономим на няньках. Ты кушай, миленький, кушай… Или хочешь отдохнуть? Прилечь на мягонькие подушечки?

Элино платье опять заскользило вниз.

– Чего-то меня подташнивает, – промямлил Степа.

Эля предложила кандидату в супруги:

– А ты ножки вытяни, головку вот сюда устрой. Я рядышком примощусь, сделаю тебе массажик животика.

– Нет! – испуганно отказался Степан. – Пойду домой, завтра рано на работу.

– Даже крабовый пирог не попробуешь? – поразилась Эля и кинулась на кухню.

Степан попытался вылезть из-за стола, зацепился за него смахивающим на барабан животом, засопел, закряхтел, вспотел… И тут в гостиную внеслась хозяйка с блюдом, на котором высилось нечто похожее на торт.

– Потрясный рецептик, – пропела Эля и поплыла к гостю шагом, напоминающим фирменную поступь танцевального ансамбля «Березка». Рот у нее при этом не закрывался ни на секунду. – Делается по торжественным случаям. Берутся натуральные крабики, а не замороженная фигня, еще омар, лобстер, немного черной икорки…

Степан замер. На лице его отразилась мучительная борьба: желание удрать как можно скорее от чумовой бабы, на втором свидании уже успевшей придумать

имена совместным детям, построить дачу и посадить Степе на шею тестя с тещей, и искушение отведать кулинарный изыск, который, вероятно, больше никогда в жизни ему не придется попробовать.

Мне стало смешно. Именно так ловят глупых мышей – кладут в ловушку кусок ароматного сыра, грызун, забыв об опасности, бросается к деликатесу и… бац! Лучше не думать о том, что будет с полевкой, когда она схватит любезно предложенное угощенье.

– Вкуснее крабового пирожочка ничегошеньки нет, – пропела Эля, водружая кулинарный изыск в центр стола.

Степа опустился на стул, а я прикусила губу, чтобы клокочущий внутри смех не вырвался наружу. До сих пор Эля в борьбе за статус замужней женщины проигрывала по всем пунктам, но сейчас она одержала победу. Обжорство взяло верх над вечным мужским страхом женитьбы.

– Кушать крабочка надо умеючи, – вещала она, разрезая широким ножом «торт». – Тут много слоев, кусать надо все одновременно, иначе потеряется нежный вкус начиночки, сдобренной соусом из устриц. Ну-ка, раскрывай ротик…

Степан разинул пасть.

– Пошире, миленький, – приказала Эля, поднося к лицу чуть не сбежавшего женишка аппетитный кусок.

– Не могу, – сказал он.

– Попытайся, Степонька, – прокурлыкала невеста, – смотри, как я делаю.

Он уставился на Элю, а она ухитрилась уронить нижнюю челюсть почти на грудь, и повторил ее маневр. Эля втолкнула ломоть в рот Степана и замерла. Жених тоже застыл.

Мгновение мизансцена не менялась. Затем Эля бросила лопатку, на которой ранее лежал пирог, и схватилась за свои щеки. Степан наклонил голову, крабовый изыск выпал у него изо рта на тарелку. Я опешила. Что произошло?

Вероятно, кулинарный шедевр оказался очень горячим, и Степан обжегся. Но почему тогда он молчит и сидит с раскрытым ртом?

– М-м-м… – простонал женишок.

– М-м-м… – вторила ему Эля.

Я перевела взгляд на хозяйку, которая тоже не сомкнула челюсти, поняла, что произошло, и выскочила из шкафа.

Увидев меня, Эля замахала руками и замычала. Степан вытаращил глаза до такой степени, что я испугалась и быстро произнесла:

– Здрасcти! Меня зовут Даша. Случайно шла мимо, заглянула к Эле на огонек и…

Окончание фразы застряло в горле. И что? По какой причине я занырнула в шкаф? Почему до сей поры сидела там, не издавая ни звука?

– И какая разница, что я делала в гардеробе, – нашлась я. – С детства обожаю замкнутые пространства, комнатушки, сундуки, коробки. Короче, у вас заклинило челюсти от того, что вы слишком широко раскрыли рты. Это не смертельно. Ясно?

Парочка дружно закивала.

– Надо ехать к врачу, – завершила я свое выступление.

– М-м-м… – в унисон взвыли женишок с невестой и стали делать отрицательные движения руками.

– Как хотите, – согласилась я. – Но тогда есть шанс, что вы умрете от голода, потому что сами собой челюсти на место не вернутся.

– А-а-а! – закричал Степан, схватился ладонями за нижнюю часть лица, и ему удалось кое-как выдавить из себя: – Е очу… е… очу… не хочу.

– Понятное дело, – сказала я, – кому охота скончаться от недоедания в городе, где на каждом углу открыт супермаркет? Но альтернативы нет. Или едем в травмпункт, или так и ходите, не смыкая зубов.

Степан затряс головой, схватил кусок селедочного рулета и швырнул в Элю. Та не растерялась и запулила в него ломтем бородинского хлеба. Он благополучно угодил Степе в рот, словно мяч в баскетбольную корзинку.

Далее события вышли из-под контроля и стали развиваться отнюдь не мирным образом.

Глава 9

Степа схватил стальную лопаточку, неожиданно ловко выскочил из-за стола и бросился на Элю, но та успела отскочить к шкафу. Он швырнул в нее столовый прибор, но хозяйка увернулась. Затем гость взял в руки стул и метнул в Элю. Стул, слава богу, ударился о стену. Хозяйка шмыгнула в спальню и заперлась. Степа, как разозленный буйвол, начал ломиться в дверь. Я растерялась. Что же делать? И тут услышала звонок в дверь и громкий мужской голос, доносившийся с лестницы:

– Ау! Что у тебя там происходит? У меня ковер со стены упал!

Я вбежала в прихожую, распахнула створку, увидела тощего прыщавого дядечку, смахивающего на больного кузнечика, и расстроилась: такому щуплому мужику никогда не справиться со здоровенным Степаном.

– Эй, онемела? – сердито спросил «кузнечик». – Чего молчишь? Я Андрей, сосед Эльки. Опять у нее гулянка? Очередная охота на жениха? Снова чья-то жена ей люлей отвешивает? Сто разов говорил дуре, не фига с замужними связываться, холостых полно.

– С женатыми, – машинально поправила я.

– Смотрю, ты больно умная, – возмутился Андрей, – небось академик по части русского языка. Подвинься!

Обдав меня запахом пота, мужичонка проскользнул в квартиру. Я поспешила за ним и лишилась дара речи.

На полу в разодранном платье, с широко раскрытым ртом, лежала Эля, а на ней сидел Степан, держа ее за плечи и тряся как грушу, отчего голова «невесты» стучала затылком о ковер. А Элечка царапала плечи жениха наманикюренными когтями. И все это сопровождалось художественным мычанием и стонами.

– Мда… – протянул Андрей, – картина Репина «Драка в сосновом лесу». Эй, кабан, слезай!

Степан никак не отреагировал на любезное предложение соседа. Он даже не соизволил повернуть голову. Тогда «кузнечик» изо всей силы толкнул жениха ногой в спину. Потенциальное Элино счастье не ожидало столь грубого нападения, поэтому кулем свалилось на пол и с размаху врезалось лбом в паркет. Раздался громкий стук, короткий вскрик. Степан тут же вскочил на ноги и заорал:

– Челюсть разомкнуло! Дорогой ты мой человек! Дай тебя поцелую!

– Отстань, – фыркнул Андрей, уворачиваясь от счастливого женишка. – Что я тебе, лицо нетрадиционных наклонностей? Лучше уходи, пока я из тебя рагу не нашинковал.

Степан рванул в прихожую, притормозил, выхватил из вазы гвоздику и продолжил путь.

– О! – засмеялся сосед. – Картина Шишкина «Жадина пьет чай в Мытищах». Элька, подымайся, простудишься.

Хозяйка квартиры села и жалобно промычала что-то похожее на «идиот».

– Вот это точно, – согласился Андрей. – Как правило, дураки сбиваются в стаи. Если вокруг тебя крутятся одни кретины и сволочи, значит, ты сам кретин и

сволочь. Делай, Эльвира, правильные выводы. Тебе надо умственный уровень повысить, готовить научиться, а то вечно дрянь печешь. Это что за кандибобер с простипомой?

Андрей отковырнул пальцами кусок пирога с крабами, отправил его в рот, замер и сплюнул в ладонь.

– Недосолено, переперчено, в тесте маргарин, крабовые палочки взяла на развес. Рецептик с сайта «Как из говна конфетку слепить»? Не верь Интернету, ни в жизнь из дерьма шоколадка не станцуется. Если денег на деликатесы нет, не надо из кильки глазки выковыривать и за черную икру их выдавать. Лучше простой картошечки на украинском сале пожарить. И вкусно, и честно, и дешево. А тебя вечно заносит. В прошлый раз ты, когда охоту на мужика открыла, ризотто с осетриной наваяла. Только за стол сели, жена парня дверь ногой выбила, и нарисовалась тут картина Ломоносова «Битва запорожцев за Северный Ледовитый океан». Хорошо, я дома был и тебя от безумной кошки избавил. Потом лизнул твое ризотто. Бее! В какой луже эта рыбка плавала? Если она осетрина, то я хан Золотой Орды!

Эля побагровела, сжала кулаки, встала на ноги и бросилась на соседа. Тот со смехом увернулся, и она врезалась лбом в стенку. Раздался грохот и тихий шелест падающих на пол хрустальных осколков. Секунду Эля стояла молча, потом обернулась, и я захлопала в ладоши:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мария-Антуанетта, королева Франции, супруга Людовика XVI, была в 1793 г. осуждена Конвентом и казнена на гильотине в Париже, на площади, которая сейчас называется площадь Согласия. – Здесь и далее примечания автора.

2

Подробности читайте в книге Дарьи Донцовой «Лебединое озеро Ихтиандра», издательство «Эксмо».

3

«Красный гид Мишлен» – самый влиятельный из ресторанных рейтингов. Имеет трехзвездочную систему оценки. Выпускается с 1900 г.

4

Родий – один из самых дорогих металлов мира, ценится выше золота и платины.

5

Старческая деменция – старческое слабоумие. Несмотря на название, может возникнуть и в раннем пенсионном возрасте.

6

Серебряный век – период расцвета русской поэзии с 1880 по 1920 г., характеризуется появлением большого количества поэтов и поэтических течений.

Купить: https://tellnovel.com/darya-doncova/pal-cy-kitayskim-veerom

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити